

Матьяна Веденская

ЛУЧШИЙ
РОМАН
ОБ
ОТНОШЕНИЯХ

ТИРАЖ КНИГ
ПРЕВЫСИЛ 1 000 000
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Виртуальные
связи
@

Татьяна Веденская

Виртуальные связи

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3020845

Веденская Т. Виртуальные связи: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55395-2

Аннотация

Ну, вот она и решилась на это – изменила мужу. Теперь-то она удовлетворена? Может считать себя отмщенной? Да! Разумеется! Она отомстила предателю, променявшему ее на другую. Но почему тогда кошки скребут на душе? Почему слезы подступают к глазам и хочется... нет, не плакать – выть от отчаяния и бессилия. Зачем, зачем она совершила эту глупость! Только еще больше все усложнила. Ведь изменив любимому человеку – не вернешь его. Пропасть только увеличится! И почему никто не сказал ей об этом? Почему, наоборот, все твердили: «Сделай это, и станет легче». А ей не стало легче! Она теперь сама себе противна, а муж... мужа, кажется, она потеряла навсегда...

Содержание

www.loveplanet.ru	4
www.yandex.ru	30
www.newsru.com	48
www.loveplanet.ru	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Татьяна Веденская

Виртуальные связи

Аватары всех стран – соединяйтесь!

Добро пожаловать в мир иной...
НеПНИ'

www.loveplanet.ru
Планета «любви»

* * *

Я – девушка

Возраст – 28 лет

Место жительства – Москва/Московская область

Сексуальная ориентация: **Гетеро/Би/Гомо**

Ищу – парня от 30 до 40 лет

Цель – дружба, секс

Статус – не имеет значения

Никнейм: **SistemError**

Фото: **нет**

Состояние: отсутствует в Сети

SistemError – это я. Меня нет в Сети, потому что я лежу на узкой полуторной кровати в комнате, оклеенной черными с золотом обоями, с поцарапанной паркетной доской. Слева от меня устало дремлет мужчина – почти что красавец, среднего роста, с сильными руками. Накачанный пресс, широкая грудь. Он лежит так, что я вижу волосы на его груди – черные. Лет ему на вид около четвертака, может, чуть больше. Точно не знаю. В анкете у него возраст указан не был. Интересно, почему? Стесняется? Вряд ли. Уж больно хорошо. А вообще я ничего о нем не знаю. Я вижу его впервые в жизни. Мне даже неизвестно, как его зовут. Он говорил мне, но я не запомнила. Я слишком нервничала, и почти ничего из того, что он говорил, не дошло до моего сознания. Я помню только его ник: M@стер_д_д.

SistemError: Почему _д_д?

M@стер_д_д: я – мастер добрых дел ☺

А ты почему SistemError?

SistemError: Так уж по жизни получилось ☹

Слушай, а не хочешь сделать мне доброе дело?

M@стер_д_д: Смотря какое. А ты вообще – девушка?

SistemError: Сегодня – да.

Мне жарко. Комната маленькая, а батарея в ней большая и шпарит – дай боже. Середина января, отопительный сезон в самом разгаре, и в Жуковском коммунальные службы, получается, работают куда лучше, чем в Москве. Во всяком случае, у меня дома гораздо холоднее, может быть, потому что я живу в типовой панельной многоэтажке, а мой... м-м-м, новый друг обитает в старом кирпичном доме с толстыми стенами и маленькой кухней.

Моя кожа сухая и раздраженная. Сколько ни мажь ее кремом или маслом, не помогает. Каждую зиму я мажусь кремами как сумасшедшая, практически купаюсь в них, но все равно чувствую, будто покрыта не кожей, а какой-то пергаментной бумагой, даже хлопковая одежда ее раздражает. Неженка! Наверное, действительно нужно купить увлажнитель воздуха, как советуют умные люди, но как-то жалко денег. Господи, как же жарко!

– Можно, я открою окно?

– Что? – Мой любовник вздрагивает и открывает глаза. Взгляд у него такой удивленный, что я, усмехнувшись, прикидываю, а не забыл ли он, задремав, кто я и что тут делаю.

– Окно. Тут какие-то книги навалены, можно я их подвину?

– Зачем? – Любовник потягивается и садится на кровати.

– Жарко, – поясняю я, начиная раздражаться.

Мы с ним вроде бы на свидании, а он тут дрыхнет. Считает, что уже давно исполнил все положенные случаю ритуалы.

Не так много и нужно, чтобы смотреться приличным парнем на свидании с виртуальной подругой, которая к тому же сама тебе и написала. Мог бы вообще не напрягаться, дать адрес и ждать с бутылкой чилийского вина. Но он все же встретил меня около какого-то памятника – самолетика с крыльями – и вручил букет. Смотрелся он при этом глупо. Стоял в своих брутальных штанах с миллионом карманов, альпинист чертов, в кроссовках, в свитере с огромным вязаным воротником, торчащим из-под куртки-пилотки, и эти цветы. Стоит, держит в руках умирающий от холода веник, переминается с ноги на ногу, а сам взглядом шарит по проходящей мимо толпе, боится, что опять придет либо старая, либо толстая, либо просто страшная от природы. В реале такое случается часто, в реал не придешь с подгруженной аватаркой Анджелины Джоли. Что тебе господь дал – с тем и тащишься.

Сомнения его мне были понятны. Я и сама довольно долго изучала его, разглядывала из окна машины, радуясь тому, что он там мерзнет, а мне тут тепло. Он не обманул моих ожиданий, я имею в виду внешне. Внутренне – черт его знает, что там у него внутри. Какой-нибудь пустой искатель приключений, вероятнее всего. Но внешне он вполне соответствовал заявленным на сайте в анкете параметрам: рост, возраст, вес там или цвет глаз. Зубы в порядке, цветы опять же притащил. Дома прибрался, как мог, простыни чистые. Но я все же не знала точно, сделаю я это или нет в конечном итоге. Было такое чувство, что я неожиданно свихну-

лась, сошла с ума. И что я сейчас немножечко отдышусь, заведу моторчик и улечу, как Карлсон, вдаль, пока фрекен Бок меня не узрела. Сейчас, только крышечку немного поставлю на место, и дворами, дворами. Не собираюсь же я всерьез... И вот... here we are! При-ехали. Я лежу рядом с ним, голая, усталая, не подумайте, что от любви, а он дрыхнет. А я даже не помню его имени. Красотка!

– Ну, открой, – наконец вымолвил он.

В реале он был ненамного разговорчивее, чем в Сети. Впрочем, действительно красив. Фанат разнообразного экстрима: альпинизм, сноуборд, парашюты. Секс с незнакомкой из Интернета.

– Спасибо! – скривилась я.

Все-таки мог бы встать и сам. Его же окно, разве нет? Я встала, не удосужившись прикрыть обнаженное тело простыней – я вас умоляю, к чему уж теперь-то? Окно было старое, двухрамное, с форточкой. Пришлось сначала открыть одну раму, потом другую, зато на меня тут же налетел злой колючий холодный январский ветер. Кожа моментально покрылась пупырышками, но я не отошла, я вдыхала обжигающий ледяной воздух, впускала его в легкие, вполне сознавая, что такие шутки могут кончиться плохо, воспалением легких или чем еще. Впрочем, пьяным, говорят, море по колено, а у меня в крови еще плескалось море выпитого за вечер. Набиралась Маша храбрости.

– А ты ничего! – бросил мой любовник.

Я обернулась и покраснела, как дура. Он разглядывал меня, лениво развалившись на подушках. Нашла время смущаться!

– Ты тоже в порядке, – ответила я, оглядывая помещение, призванное служить любовным гнездом для, вероятно, несчетного количества таких же «свиданий». В комнате все было старым, кроме черных обоев. Но и они, должно быть, были наклеены поверх какого-то старья в цветочек. Да и зачем, действительно, ремонтировать комнату в старой, дряхлой пятиэтажке в Жуковском?

– Ну-ка, иди сюда. Что же ты там застряла? – спросил он, улыбаясь.

Я вспомнила, как просветлело его лицо, когда я подошла к нему после двадцатиминутного опоздания. Он увидел меня – дубленка, шарф, сапоги и шапка – от меня был только нос и глаза. Но глаза все же голубые, а нос маленький, чуть вздернутый, симпатичный. У моего М@стера прямо отлегло, он улыбнулся и сунул мне букет. Он был вполне готов меня трахнуть, я не вызвала у него неприятных чувств. Он был рад.

У меня-то на сайте аватарка была вообще – какая-то муть фотошопная. Я взяла одну из своих фотографий и закрутила, заблюрила² ее до такой степени, что мое глупо улыбающееся лицо превратилось в цветастое месиво, похожее на

² Blur – один из эффектов компьютерной программы Photoshop, сильно искажающий вид изображения.

отжатую тряпичную радугу. Я не собиралась оставлять следов, не собиралась рисковать, публикуя реальное фото. Мало ли что, Сеть – она как проходной двор, там кто угодно может упереться в твою фотку. Даже муж. Или, к примеру, собственный босс, будь она неладна. Может быть, она тоже раздобывает себе сексуальную жизнь на том же самом портале? А что, ведь это так просто и, главное, быстро. А моя начальница, времени на реальные отношения у нее нет, да и не станет живой человек в здравом уме рисковать, связываясь с моим боссом. Такие женщины, стоит их только узнать чуть получше, вызывают два чувства – паралич и желание отползть как можно дальше. Иногда мне кажется, что она вообще не женщина, а замаскированная змея типа анаконды. Но в Интернете заполучить свидание можно и не открывая своей истинной сути. Цена свиданию – три копейки, но секс – секс настоящий. Всегда же можно успеть *познать* друг друга еще до того, как узнаешь имя или там что-то более персональное. И уж если потом, после, что-то не заладится, можно не встречаться вообще. Отписаться, внести в черный список. Забанить, одним словом. Выбор – огромен.

Так что М@стеру_д_д пришлось обходиться до поры до времени моим синтетическим сине-желто-красно-черт-те каким еще пятном на аватарке и моими заверениями, что я – 90/60/90 и что это – не рост/возраст/вес.

М@стер_д_д: Нет, правда, какие у тебя глаза?

SistemError: А какие бы ты хотел? Голубые? А волосы светлые?

M@стер_д_д: Почему? Не обязательно. Я люблю и брюнеток. Ты брюнетка?

SistemError: Сегодня – да.

M@стер_д_д: Ты правда приедешь? У меня до завтра хата свободна, сосед уехал в командировку. А какого ты роста?

SistemError: Ты не любишь сюрпризы?

M@стер_д_д: Смотря какие.

SistemError: Приятные

– Ты там заледенеешь, – заботливо сказал он, пристально разглядывая мое обнаженное тело.

Я поежилась под его взглядом. Хотя он и был красив, причем вполне в моем вкусе, со всеми своими лохматыми челками, крепкими объятиями, улыбками победителя, я вдруг остро и до боли ясно почувствовала, насколько он вообще-то совершенно чужой мужик. Незнакомый чужой мужик, с которым я переспала. Молодец, Маша, ты сделала это. Теперь осталось убедить себя в том, что тебе это понравилось. Если вы переспали с кем-то, значит, это кому-нибудь нужно.

– Я устала, – бросила я, спрыгивая с окна на грязный пол.

– Иди ко мне, я сделаю тебе массаж, – промурлыкал он.

О, ясно дело, массаж. Он сделает его мне, конечно же. Знаю я этот массаж. Интересно, будет ли это удобным, ес-

ли я прямо сейчас уеду? Идея возвращаться в постель к этому улыбающемуся незнакомцу показалась мне совершенно невозможной.

– А сколько времени? – Глупый вопрос, ясно же, что на дворе глубокая ночь и что ехать тебе некуда, ты приехала уже, моя дорогуша, ты именно там, где и хотела быть.

– Половина третьего, – М@стер потянулся и зевнул.

Да уж, ехать куда-то было рано. Или поздно.

– А выпить не осталось? – Я стащила с облезлого кресла плед и замоталась в него.

М@стер приподнялся на локтях, осмотрел содержимое заваленного всякой дрянью журнального столика. Потом крикнул, встал, не потрудившись одеться – мы же уже были так близки, – захлопнул открытое мной окно и принялся копаться в шкафу. В результате поисков из недр была извлечена бутылка дешевой водки, спрятанная явно про запас и не предназначенная для женщин, которых еще только предстоит соблазнить. Не наш случай. Я была уже... своя.

– Будешь? – спросил он, протягивая бутылку.

Я кивнула. К горлу подступала какая-то горечь, я чувствовала, что становлюсь как-то слишком противна сама себе, и что этот брутальный мачо из Сети противен мне еще больше, и мир вокруг какой-то омерзительно тривиальный, и что об этой ночи я уже жалею и хотела бы, чтобы ее никогда не было, хотя она еще даже не кончилась.

– А какая-нибудь конфетка осталась?

– Да. – Он сунул мне шоколадный батончик, посмотрел, как я опрокинула стопку обжигающей пакости в глотку, потом сощурился и требовательно притянул меня к себе. Его жест не оставлял никаких сомнений в том, что отказа он не примет. Он был в своем праве. А мне было решительно все равно. Беречь уже было нечего, я получила то, чего хотела, теперь он получал то, чего хотел он. И отказывать ему, объяснять, почему я теперь вдруг не хочу, не могу снова ему отдаться, почему он должен оставить в покое мое усталое тело, было сложнее, чем просто еще раз с ним переспать. Второе, кстати, было и гораздо быстрее.

* * *

– Как ты не понимаешь? Это же очень просто. *Нереально* просто! Чего ждать? Надо брать от жизни все, что она предлагает, – возбужденно жестикулировала руками женщина лет сорока. Она была чуть полновата, в основном в бедрах. Руки, плечи и корпус были на два-три размера меньше, чем нижняя палуба. Женщина была симпатичная. Голубоглазая, крашенная под пепельный блонд, но, к сожалению, линия бровей отчего-то резко задралась, морщины исчертили лоб. Их было видно даже через густой тональник. Возраст, чтоб его. Женщина поминутно курила. На ней было поношенное красное пальто, которое она не сняла, даже несмотря на то, что они сидели в кафе.

– Если бы это было так просто, все бы туда ломанулись, – заметила ее более молодая спутница, одетая намного лучше.

– Да все и ломанулись, моя милая. Только ты сидишь! – выразительно развела руками старшая.

Молодая женщина была ухоженна, но как-то все равно не производила сильного впечатления. Она сутулилась, одевалась в серый трикотаж, который вроде как был в моде, но на ней смотрелся блекло. Да и глаза у нее были потухшие, без стервоточки, как говорила старшая. Звали старшую Яной, было ей на самом деле уже сорок один год, так что выглядела она в целом на свой возраст. Но ее это-то и беспокоило. Она чувствовала себя максимум лет на тридцать. Откуда взялись еще одиннадцать лет и как это она умудрилась их прожить незаметно для себя, ее волновало и нервировало.

– Я не сижу. У меня есть аккаунт.

– Где? Почтовый ящик, моя дорогуша, не аккаунт. Ты что-то перепутала. Ладно, я вышлю тебе ссылку.

– Вышли, – кивнула молодая – Ирина. В ее двадцать шесть ей давали и двадцать. Вместе с Яной они смотрелись странно. Как мать и дочь, только «мать» хлебала кофе и смолила сигареты, пропитываясь табачным дымом до самых печенок, а «доченька» сидела и ела салат без заправки.

– Ты могла бы отлично устроиться.

– Думаешь, там можно встретить приличного человека? Я читала, на таких вот порталах много брачных аферистов.

– Читала? Вот хорошая девочка. А тебе не приходило в

голову, что брачного афериста вычислить – как нечего делать? – горячилась Яна.

– Как же? Как его вычислить?

– Да проще пареной репы. Аферисты – они никогда не платят. Всегда обещают – никогда не платят. Не спи с мужем, пока он не потратил на тебя тысяч пять хотя бы.

– А на тебя тратят? – усомнилась Ирина.

Яна вздохнула.

– Ты на меня не смотри, я давно на тренерской работе. Я свою порцию личного счастья уже получила. – В ее словах сквозила странная двусмысленность. – А тебе нужно быть более активной.

– Тебе сайты должны приплачивать за рекламу. – Ирина усмехнулась, отпивая из чашки зеленый чай.

Вообще-то кафешка была – так себе, поганенькая. Дешевая, на Иринин взгляд, но чай-кофе делать умели. Нетрудно уметь, если кофемашина имеется. Сама Ирина пила кофе только с утра, чтобы успеть потом почистить зубы. У нее была маленькая турка, а кофе она покупала дорогой, в «Азбуке вкуса», по четыреста рублей за пачку. Мечтала о кофемашине для дома, но... Целое состояние нужно. Она столько не зарабатывала.

– Ты хочешь замуж?

– Что? – скривилась она в показном сарказме. Замуж Ирина хотела.

– Тебе двадцать шесть, сколько еще тянуть?

– Ты что-то будешь заказывать? – спросила Ирина, доедая последнюю маслину с тарелки.

Яна покачала головой. Фигура, внешность, холестерин. В ее возрасте...

– Нет, не буду, – вздохнула она. – Давай попросим счет.

– Скидочная карта есть? – спросил официант.

Яна помотала головой, расплатилась и пожалела о скоротечности обеденного перерыва. Когда еще посидит с подругой в кафе? Что-то в последнее время они все больше по Интернету, по телефону. Живут в разных частях необъятной Москвы, так порой добраться друг до друга – целое дело. То расписания не совпадут, то при одном взгляде на пробки Ирина передумает ехать. Ирина теперь ездила на машине, восьмерке, к сожалению. Лучше бы «Форд», конечно, но зато не в кредит, Ирина ненавидела кредиты.

– Мне кажется, на сайтах знакомств одни только проститутки и извращенцы, – вернулась к разговору Ирина. Тема ее все-таки волновала. Жить одной становилось все скучнее и скучнее. И острый привкус горечи, оставшийся от ее прошлого опыта совместной жизни с мужчиной, уже стал растворяться в ядовитом одиночестве ее устроенной, но пресной жизни. Она была готова снова полюбить. Немножко, без надрыва. Не выбиваясь из графика – кого-нибудь без проблем, материальных или иных, желательно все же неженатого, без вредных привычек. Но опуститься до вывешивания своей персоны на выставке желаний она все же боялась. Она

считала, что это сродни объявлениям в желтых газетах. «Девушка 24 лет, 173, 62 кг, 2 размер груди, глаза голубые, ищет серьезного вдумчивого состоятельного мужчину без материальных проблем для создания семьи». Глупость какая.

– Одна моя знакомая... – затянула Яна, доставая из кармана красного пальто очередную сигарету. У нее всегда была «одна знакомая», даже смешно, откуда она их берет. И всегда по теме.

– Вышла замуж за олигарха? – усмехнулась Ирина.

– Ну почему? Она познакомилась с мужчиной, на форуме, кстати, не просто на сайте знакомств. На loveplanet, может, и извращенцы, но Интернет большой и толстый. Всех хватает, только успевай подбирать. Просто мужицкий дождь.

– Из тех, кому бы только потрахаться, – вставила Ирина.

– А что, это тоже, между прочим, нормально. Думаешь, тем, кто тут, в реале, нужно другое? – Ирина промолчала, и Яна продолжила. – Всем им нужно одно и то же. Так вот, она его на каком-то форуме нашла, кажется, он во что-то играл онлайн. Ну, конечно, не принц. Женат. Сам с Ашхабада, но русский, не подумай. Работает в ГИБДД. Зовут Валерой.

– Просто мечта! – фыркнула Ирина.

– Знаешь, для кого-то, может, и мечта. Она, моя знакомая, ей сорок лет, она совсем одна, у нее ребенок на руках. Да она была почти в отчаянии, билась как рыба об лед. У нее денег не было даже на колготки. А он искал себе любовницу для постоянных отношений. И он, кстати, сразу ее предупредил,

что женат, так что никакого вранья. Но зато он ей телик подарил, починил краны.

– Муж на час, – фыркнула Ирина. – А денег-то давал?

– Ну и денег стал давать тоже, если она попросит. Сумку ей купил, Domani. Они встречаются уже год, наверное. Она очень довольна. И мужик он приятный, с ним ей хорошо. И живет он чуть ли не в соседнем доме, а познакомились в Интернете.

– Говорю тебе, в этом есть львиная доля проституции. Он спит с ней, деньги дает. Женат и не скрывает.

– Ну и что, что женат? Знаешь, это не приговор, – поморщилась Яна.

Когда она познакомилась с мужем, он был женат. Ирина об этом не знала. О Яниной «реальности» она знала вообще мало. Когда-то они познакомились на бухгалтерском форуме, Ирина что-то страшно напутала с КБК, искала помощи. Яна многого о себе не рассказывала. Зачем? Хорошо же общаются.

– Нет, я с женатыми не хочу, – поморщилась Ирина. У нее были принципы. И женатые мужчины у нее тоже уже были, только намучилась. Впрочем, неженатые не лучше.

– Ну и не надо. Хотя... Он ей подарки дарит. В ресторан водит. На дачу может отвезти, если надо. Где ты видела, чтобы проститутке чинили краны?

– Между прочим, чинить краны – это даже дешевле, чем оплачивать секс по тарифу.

– Слушай, а чем тогда вообще отношения отличаются от проституции? Условиями оплаты?

– Ага. – Ирина расхохоталась. – А знаешь, у меня был один такой мужчина, не по Интернету, правда, – мне его подруга подсунула. Она нашла его в каком-то клубе, сказала, что он – просто мой идеальный мужчина и что она, когда начала с ним переписываться, сразу подумала обо мне. Мне бы сразу спросить, чего это она идеальными мужиками разбрасывается, но я поперлась на свидание. Нет, вывеска у него была классная. На итальянца похож, черные волосы почти до плеч, выются. Стройненький, обходительный. Одет просто – джинсы, футболка, но все чистое. Только вот ногти. Грязные, знаешь, как будто он их в мазут окунал. Ну да ладно. Мужик же. Надо быть терпимее. В общем, повел меня в «Эль Патио», стульчик отодвинул.

– Ну вот, видишь! – подняла брови Яна. И тут же вернула их на место, от такой вот мимики у нее весь лоб в морщинах. – Бывает же?

– Бывает. Дальше сидим мы с ним и не знаем, о чем говорить. Что вообще говорить человеку, которого ты видела один раз на фотографии с крайне маленьким разрешением? Ну ладно. Сидим, ждем кофе. Он мне сырную тарелку заказал. Рассказал, что работает в крупной корпорации. Заказал вина. Потом повез меня к себе, показать «вид из окна». Я поехала, хотя обычно на первом свидании, ты знаешь, с мужиками не сплю. А тут... накатило что-то. Думаю, а, ладно.

Итальянец, страстный мачо. Вид был, кстати, паршивый, – из окна, я имею в виду. На площадь Ильича. Да и не его это была квартира, как мне теперь кажется. А потом, после секса, самого, кстати, банального и, можно сказать, неудовлетворительного, сидит этот мой итальянец перед большим своим зеркалом и смотрит на себя. У него, знаешь, такое трюмо – где одно большое зеркало и две узенькие створки. Так вот, сидит мой итальянец перед зеркалом, голый, скрюченный, и что-то там высматривает у себя в шевелюре. Честное слово, если бы он не сказал, я бы и не заметила. А он меня спрашивает: заметна ли у него лысина? Я ему: какая лысина? Тут он даже наклонился и принялся тыкать в макушку и чего-то там бормотать. Говорит, что думает в Real Trans Hair идти, только боится, что не поможет. У него, мол, наследственность. Представляешь?

– Урод! – улыбнулась Яна.

– Не то слово. Сидит голый и рассказывает, что читал там на форумах – луковички волос могут и не прижиться, а денег не вернут. Луковички! Меня уже почти тошнило, а он все говорил, что если он все-таки полысеет, то уж лучше ходить бритым совсем. Что это круто, как у Бондарчука или еще у кого-то там...

– Куценко?

– Нет, не Куценко. Да не важно. Я, в общем, еле убралась оттуда. Полный придурок. Напоследок все жаловался, что у него форма черепа не такая, какая нужна для brutальной лы-

сины. Вот такие сейчас мужики. А в Интернете, думаю, вообще все такие – с луковичками вместо мозгов.

– Не только. И потом, разве он тебе встретился не в реале?

– А, ну да. Но и таких Валер, как у твоей знакомой, в реале знаешь сколько? Пруд пруди. Если бы я хотела с каким-то женатым козлом спать за сумку Domani, уж я бы, поверь мне, нашла такого вмиг. Безо всяких порталов.

– Я верю, верю. Ты-то нашла бы, – сказала Яна, то доставая, то пряча обратно телефон. Это нервное. Вечно она что-то крутит в руках. Она вообще дерганая. Что при ее жизни, кстати, не удивительно.

А Ира... понять, почему она одинока, было сложно. Молодая, красивая. Худеет все время, не жрет ничего. Может, завышенные запросы? В двадцать шесть еще можно носом крутить, хотя уже надо и задумываться.

– Знаешь, я все-таки попробую – пойду в Интернет. Может, выйду замуж и уеду в Новую Зеландию, – то ли в шутку, то ли всерьез сказала она.

– А как же я тут буду одна? Без тебя?

– Ну-у! У тебя-то все хорошо. – Ирина улыбнулась и встала из-за стола.

У Яны действительно в последнее время все было хорошо. Муж наконец-то хоть работал. Был и любовник, и даже любовники. Правда, сумок не дарили и денег действительно на нее не тратили, но не в этом счастье. Любовник нужен, чтобы чувствовать гармонию. Квит про кво. Яна не чувствовала

ла себя одинокой на этом празднике жизни, на этой ярмарке аккаунтов.

– Я слышала, есть какой-то портал для топ-менеджеров и всяких крутых ребят. Такой – только для своих. Вот там бы я на твоём месте и погуглила, – предложила Яна, забирая сдачу.

– Я зарегистрируюсь, – согласилась Ирина. Необязательно же прямо сразу бросаться в пучину, пусть просто будет анкета. Она была открыта для энергии жизни. И хорошо знала: чтобы выиграть в лотерею, нужно хотя бы купить билет.

* * *

О том, что телефон отключен или, вернее, стоит на беззвучном режиме, Олеся вспомнила, только когда случайно достала его из сумки. Случилось это, только когда она расплачивалась за обед в ресторане гостиницы, которая смотрелась скорее рабочей столовой, располагалась на первом этаже. Как же это так вышло, что ее ничто не дернуло с вечера до самого обеда, Олеся понять не могла. Обычно ее телефон раскаляется от всяческих звонков, а тут – такое приятное молчание. Такие чудесные двенадцать часов. Надо же было почувствовать, что такие чудеса не случаются просто так. Но Олеся забежалась. Сама только что с поезда, всю ночь слушала чей-то заливистый храп. Потом мучительные попытки заставить представителей местной, принимающей сторо-

ны работать. Никто работать не хотел. Машины задерживались, телефоны не отвечали, коробки с книгами приходилось таскать на себе.

– Собачья работа, – ворчала Олеся, боясь, что, пока будет ловить приезжающих, коробки утащат.

Она встречала на вокзале делегацию писателей, в количестве семи штук, вылавливая их прямо из вагонных дверей, потому что писатели – народ рассеянный, могли и потеряться. Потом распределяла литераторов по машинам, причем все ее дергали, все хотели познакомиться, поговорить, переодеться, освежиться и покушать, конечно же. Писатели кушали всегда хорошо. Обычно с этим проблем не случалось.

Изо всех культурных мероприятий, что довелось организовывать Олеся, мероприятия с отцами (и с матерями) российской современной словесности всегда проходили тяжело. Писатели много говорили, искали в глазах любых соприкасавшихся с ними людей признаки восхищения и обижались, если таковых не находили. Писателей было много, а читателей мало. А таких, чтобы знали писателей по имени-фамилии, вообще единицы. Большинство читателей приходили на встречи с писателями от скуки и от любопытства. Поглазеть да себя показать. Иногда, кстати, не с лучшей стороны. На периферии с читателями все же лучше, чем в Первопрестольной, где от многочисленных, практически ежедневных встреч с прекрасным у людей уже наблюдались аллергия и мозоли-натоптыши. На периферии читатель был веж-

ливый, заинтересованный. Меньше психов опять же. Потому что живут люди в тишине и покое, пусть и бедно, но зато «крыши» стоят на месте.

Но и тут, в Тамбове, не было повода ожидать ажиотажа – провинция все-таки. К чтению большинство людей относилось как к перекусам в перерывах на работе, они проглатывали современную литературу, не разжевывая, и тут же забывали о ней, если, конечно, не возникало изжоги. В общем, уровень осведомленности никак не соответствовал писательским ожиданиям, и приходилось отыгрываться и отдуваться за всю пассивную перекормленную беллетристикой общественность. Тем более что на Олесину голову валились писатели преимущественно второго или даже третьего эшелона, никогда не звезды. Этих вообще мало кто знал. Но сами-то они себя знали, любили и тешили надеждами.

– Вы читали мою книжку... «Nechto»?

– Начала, – всем и каждому отвечала Олеся.

Врала она легко и непринужденно, не задумываясь ни на секунду, и, как правило, в тему и к месту. Можно было, конечно, опасаться, что писатель упомянет имена героев или какую-то сюжетную линию начнет освещать, но и в этом случае Олеся бы умело выпуталась, закрывшись общими фразами и комплиментами. Она не читала ничего, кроме русской классики девятнадцатого века, находя в ней удивительным образом ответы на все свои актуальные вопросы и узнавая мир, в котором живет, лучше, чем в поделках всех этих «ге-

ниев» нашего времени.

– Надеюсь, вам понравится. Кто читал, говорят, невозможно оторваться.

– Невозможно, – подтверждала Олеся, думая только о том, что ото всех этих амбициозных писак оторваться действительно невозможно. По крайней мере, на ближайшие три дня. К обеду удалось расписать писателей по номерам единственного пристойного тамбовского отеля, накормить, построить в колонну по одному – писатели с трудом объединялись в группы и крайне фальшиво дружили, не любили они друг друга, как ни старались, – и отправить по машинам, отрабатывать первые встречи. Таким образом, возможность прийти в себя и немного перекусить нашлась у Олеси только к обеду. Она и ее верная помощница Танечка стояли и смотрели на кассиршу, невыразимо медленно пробивавшую еду с подносов в, так сказать, ресторане отеля. Последний раз Олеся ела вчера днем, перед тем как сесть в поезд. Прием пищи под стук колес казался ей противоестественным, да и от всей этой колбасы соседа по купе ее мутило.

– Все. Хочу в отпуск! – заявила Танечка, глядя, как кассирша, желая разменять крупную купюру, скрывалась в недрах зала. – Холод собачий, у меня две недели еще с того года остались недогулянные. Я, представь, вчера сидела в этой идиотской гостинице, хорошо хоть тут WiFi есть, и смотрела на сайте на картинки отелей в Турции. Просто сидела и пялилась на все эти бассейны, шезлонги, тростниковые зон-

тики и представляла, что я там, а не тут.

– А мне уже даже и не хочется никуда. В Турции сейчас холодно. Я, может, летом поеду в Венецию с дочкой, – поделилась Олеся.

– А я хочу поехать в Китай. Там, говорят, дешево, а сервис – просто зашибись.

– Далеко, – усомнилась Олеся. – И одной скучно.

– А я не одна поеду. Я уже все придумала. У меня одна подружка так ездила – нашла себе по Интернету попутчицу.

– Может, попутчика? – хмыкнула Олеся.

– Ну, это не для меня, – помотала головой Танечка. – Это своего рода секс-туризм. Да, можно, конечно, найти какого-нибудь козла на loveplanet и вообще за его счет съездить. Там вообще есть раздел – отдых. Все туда пишут. Но там же и девчонки ищут компанию, просто чтобы не скучно и чтобы в номере не поселили черт-те с кем. А так знакомишься еще в Москве, договариваешься, как будешь отдыхать, куда ходить, расходы пополам. Чтобы, скажем, мужиков в номер не водить. И все! У меня куча девчонок так съездили. Чудесно.

– Я бы с дочкой поехала, я ее уже два месяца практически только по телефону слышу. Собачья работа, – снова вздохнула Олеся. Ее дочка Катя, тринадцати лет, практически всю жизнь прожила с Олесиной мамой в Твери, а сама Олеся ездила к ним по выходным. Так уж сложилось, и потом, надо же кому-то деньги зарабатывать. Школа, бассейн, английский, театральная студия. Что поделаешь, если родному от-

цу нет до всего этого никакого дела, если у родного отца новая молодая жена, другой ребенок, расходы, коттедж достраивается. И Таиланд так подорожал, так подорожал! Ай-ай-ай! Олеся давно уже смирилась с существующим положением вещей. Главное, она свободна и не должна больше жить с ним. С таким, как ее бывший муж, жизнь казалась ужасной и невыносимой в коттедже любого размера. Уж лучше одной, чем вот так, как они прожили. И прожили-то всего ничего – год до рождения дочери, два – после, в итоге всего три года, а вспоминается как тотальный кошмар. Хоть уже десять лет прошло – а до сих пор закроешь глаза, вспомнишь и думаешь: одной лучше.

– С вас двести тридцать рублей, – сказала вернувшаяся кассирша.

– Однако! – хмыкнула Танечка. – Хорошо еще, что это за счет фирмы.

– Хорошо, – согласилась Олеся, и именно в этот момент сунула руку в сумку, где валялся безмолвнорывающийся от звонков телефон.

– О господи! – выпалила она, в ужасе наблюдая на экранчике двенадцать неотвеченных вызовов. От шефа из Москвы – два. От представителя администрации в Тамбове – аж четыре. Два от неизвестных абонентов, вероятнее всего, от писателей, которым, конечно же, ее телефон раздавали вместе с памяткой мероприятия. Один из писателей особенно беспокоил Олесю. Высокий бородатый мужчина лет за тридцать, с

несколько пропитым, как и положено *настоящему* русскому писателю, лицом с самого перрона принялся к Олесе клеиться, требовать ее внимания, отдельную машину и персональную встречу с губернатором Тамбовской губернии. Наверняка это звонил он. Что делать с праздно пристающими мужчинами, Олеся знала, но что делать с праздно пристающим мужчиной, который представляется так – «Великий русский писатель Савва Захарчук!», – и смело хватает тебя под локоток, тут надо было еще подумать. Бить его по писательскому лицу и требовать соблюдения приличий время пока не пришло, нужно хотя бы закончить мероприятие. Огорчало то, что обратно в Москву Олесе полагалось ехать вместе с творческой интеллигенцией. И место великого русского писателя было в соседнем купе. Но... что ж делать, такая работа.

Олеся перебрала оставшиеся звонки. Остальные были от дочери. И еще одна SMS от Машки, Олесиной самой лучшей, самой близкой подруги.

«Олеська, я все-таки сделала это. Но почему-то ничего не чувствую, никакого удовлетворения. Только хочется нажраться. Ты когда вернешься?»

– Вот сумасшедшая! – воскликнула Олеська, покачав головой.

– Кто сумасшедшая? – спросила Танечка.

– Да тут одна. Решала одну проблему, теперь зато у нее две.

– А что за проблема?

– Да как обычно. Ей муж изменил.

– А она? – заинтересовалась Танечка, но в этот момент у Олеси зазвонил телефон. Великий русский писатель Савва Захарчук прилюдно пообещал подарить библиотеке детского дома в области всю антологию русской классики. А теперь менеджер в истерике спрашивал у Олеси, где эту самую классику раздобывать и за чей, собственно, счет. Ясно же, что великий русский писатель платить ни за что не станет.

www.yandex.ru

Найдется все

Лаура Джини, ударение ставится на последний слог – Джини́ и никак иначе, ненавидела Россию всей душой. Она не была русской, не хотела быть русской, не видела в русских ничего хорошего, и вообще глаза б ее на них не смотрели – с их дикостью, хамством, безвкусицей и воровством. Но в силу различных причин Лаура Джини была вынуждена здесь жить. Вернее, прозябать. Она прозябала тут, на тринадцатом этаже бесконечно серой унылой многоэтажки, вот уже двадцать восемь лет – всю ее жизнь. Ее тело, но не ее душа. Она давно уже жила в совсем других мирах, мысленно перебралась в свою любимую Италию, с ее солнцем, зеленью, страстными итальянцами, пьяцца, рыцарскими крепостями и Колизеем.

У нее был старый, потрепанный и выдавший всякое ноутбук, у которого не хватало нескольких клавиш, а несколько имеющихся кнопок почему-то не жались вовсе, так что вводить эти символы приходилось с виртуальной клавиатуры, что дико Лауру бесило. На заставке – вид на Флорентийские горы. Любимая игра – Assassin's Creed, бродя по ней, можно было почти воочию увидеть то, что в жизни Лауре пока увидеть не довелось. Конечно, она играла исключительно во

Флоренции. Графика была прописана на редкость хорошо. Можно было обойти все площади, посмотреть на улицы, даже зайти в строения и побродить по анфиладам дворцов – в реале это было куда сложнее. Лаура знала виртуальную Италию как свои пять пальцев. Лучше Москвы. Впрочем, это ничего не меняло. Все это было так, развлечения запертого в многоэтажке ума. Способ потратить время, такое тугое и вязкое, что в нем вязнешь и застываешь – особенно зимой, как теперь.

– Лорочка, у нас нету творожка, – ласково, даже приторно щебетала Бьянка, высунувшись из ванной. Заспанная, растрепанная, в растянутой майке.

Творожка ей!

– И что? – нахмурилась Лаура. Сегодня она была на редкость зла. Может, потому, что мрачный московский январь висел за окном, как гигантский воздушный шар серого цвета. Может, потому, что опять не было денег. Творожок тоже, знаете ли, бесплатно не дают. Деньги, деньги. Проблемы.

– Ничего! – пожала плечами Бьянка. – Надо купить молока, я бы сейчас и сделала творог.

– Ты погладила белье? – спросила Лаура, только чтобы перевести тему. Слово «купить» было для нее сейчас хуже, чем матерщина.

– Не переводи тему! – возмутилась Бьянка.

А Лаура как раз хотела тему перевести. Бьянке что, сидит себе дома и ни о чем не тужит. Деньги ее не волнуют. Бьян-

ку вообще мало что волновало, она почти ничего не хотела в этой жизни, только покоя и разве чтоб у Лауры все было хорошо. За что Лаура особенно ее ценила. Но творожок действительно нужен.

– Ты разместила на Яндексe нашу галерею?

– Только на My space, – отвела глаза Бьянка. Бесполезно ее о чем-то просить.

– Разместила?

– Размещу! – крикнула Бьянка и ушла, сильно хлопнув и без того некрепко прикрученной кухонной дверью. Дверь в кухню была расшатана псами. Они, когда голодные, были способны снести все на своем пути. Не только тонкую дверь, которую давно пора было починить.

– Вот и размести, – заорала ей вслед Лаура, зная, что теперь уж Бьянка точно не сделает ничего, а будет дуться весь день и требовать извинений. Ими и кончится, но сначала будут все эти невыносимые крики, слезы, упреки и спектакли с заламыванием рук. И ведь знает же Лаура, что нельзя вот так с Бьянкой. Что будет только хуже. И лучше вообще пойти и извиниться прямо сейчас. Но злое настроение брало верх, и Лаура и не хотела бы, а делала все назло, из вредности, чтобы позлить и ее. Денег не было и не предвиделось. А на руках одно дитё человеческое и трое четвероногих. И Бьянка, тоже как ребенок. За что ей только это все? Да еще и январь.

Бьянка не показывалась. Лаура, все больше раздражаясь не пойми на что, встала, вышла из кухни и подошла к раскра-

шенному фиолетовому стеллажу в холле. Она сама его сделала год назад, возилась, наверное, месяц. Днем и ночью выпиливала, прибавала, раскрашивала. Хорошая штука, красивая. Даже ручки – и те резные, в виде спиралей с прожилками. Авторская вещь. Может, продать?

– Ни черта себе! Куда весь мой лак делся? – выругалась Лаура после десятиминутного копания в недрах стеллажа.

– Ты же сама его и потратила! – послышалось из спальни. – И не ори!

– Я ничего не тратила, – крикнула Лаура. Не смогла удержаться и выругалась, хотя вроде и сама терпеть не могла такую вот атмосферу. Что поделаешь! Тут не то что материться, волком завоешь. Как может настоящий художник творить, сидя в этой московской квартире, да еще на тринадцатом этаже, да еще без копейки денег? Лаура в сердцах выругалась опять:

– Твою... мать!

– Не матерись при детях, – моментально донеслось из спальни.

– От...сь! – крикнула в ответ Лаура. Дети, дети.

Бьянка говорила о собаках, конечно. Заигралась с материнским инстинктом. Кузю вообще сыночком зовет. Творожку нет, блин. Когда все это кончится, когда кончатся все эти чертовы проблемы?

Лаура вышла в коридор и принялась копаться в куртках. Она ненавидела холод. В Италии холодом считались десять

градусов по Цельсию. Там ни у кого не было шуб или тяжелых дурых сапог на искусственном меху. Там все улыбались и пили вино. И никто никого бы из-за этого не стал бы называть алкоголиком. Италия. В прошлом году они с Бьянкой ездили в Хорватию. Задаром им не сдалась эта Хорватия с ее фальшивым сервисом, фальшивой европейскостью – все вранье. Чуть от побережья отъедешь в сторону, все те же битые дороги, дешевые кафе с клеенками на столах, все те же угрюмые лица. Совок.

Единственная причина, почему они с Бьянкой оказались в Хорватии, было все то же страстное, неизбывное желание прорваться в Италию. Художник не может больше нигде существовать, кроме Италии, но пойдی объясни что-то этим тупым туроператорам. Что уж они там напортачили, одному Богу известно, да только визу в Италию не дали. Сказали, нет постоянного места работы, поэтому и не дали. А какое может быть постоянное место работы у художника? Мольберт им приволочь? Слесарный набор? Красками перемазаться? То ли дело – менеджер. Надо было сказаться менеджером. Обидно, что ведь и деньги тогда были, а визу не дали. Ну, и Бьянка учудила с Хорватией.

– Вы можете въехать в Италию через любую европейскую границу. Просто проедете сами. Можно через Финляндию, правда, она далеко. Через любую страну Евросоюза. Они потом уже ни за кем не следят, – посоветовала туроператорша, которая (падла) денег так и не вернула за неполученную ви-

зу. Только отводила глаза.

– Через любую границу? – переспросила Бьянка, а потом выбрала Хорватию – умная девочка – единственную из всех стран, которая реально ни черта в этот самый Евросоюз не входит. Во всяком случае, в безвизовую зону не входит. А Бьянка сказала, там до Италии – всего один паром. Лаура не проверяла. У нее тогда было очень много работы. И потом, должна же Бьянка делать хоть что-то!

Да, правда, Бьянка не соврала. Там из Пореча до Италии – только один паром. Один или два парома – хоть три. Целая куча паромов, на которые пропускали, и фамилии не спросив, граждан всех стран от Израиля до Португалии, но только не русских. Россияне оставались на берегу, сушили весла. Ох, как тогда Лаура орала. Стояла на портике набережной в Порече и орала благим матом. Италия была так близко, рукой подать. Один час по хорошей волне, и ты в Венецианской лагуне. Осталась бы там, не вернулась бы. Закопалась бы в песок на берегу, на острове Мурано – хоть всю жизнь жить нелегалом, только бы там. Расписывала бы стеклянные сувениры, выдувала бы вазочки. Ела бы пиццу.

Можно было закрыть глаза и восстановить по памяти картинки из Интернета, увидеть синее небо, каменные улицы, гондолы. Даже запах моря там был такой же, как и в Порече. Но Италия не открыла свои объятия перед потерянной дочерью. Пришлось возвращаться в Москву и сидеть в пыли, смотреть на МКАД, будь он неладен. У кого хочешь пропа-

дет рабочее настроение.

Лаура тяжело вздохнула, закрыла створки верхнего ящика, встряхнулась и вытащила из пыльной груды вещей дутую красную куртку. Она была сшита прошлым летом, красивая попалась ткань. Из остатков Лаура тогда умудрилась сделать лампу-бра, та продавалась за три дня. А куртка вышла изящная, расшитая вручную стразами, с необычными рукавами. Лаура хотела еще воротник переделать, сделать его на манер палантина, но... как-то руки не дошли. А теперь только возиться, куртка уже старая. Таковую не продашь, а сама и так поносишь, не сломаешься. Здесь, в России, у нее почему-то опускались руки. Делать ничего не хотелось. Она чувствовала себя бесконечно чужой, словно была цветком, вырванным из привычной почвы и засунутым в какой-то мерзкий глинозем. Хотелось выпить, а выпить было нечего. Они сидели дома практически безвылазно уже неделю, только Бьянка выходила с собаками по ночам – чтоб никто не видел, ни с кем не встретиться. Сталкиваться с *этими* людьми она не хотела категорически. У Бьянки это доходило до абсурда. Она могла бы неделями голодать, только чтобы ни с кем не встречаться. Если бы не собаки, она бы не выползала вообще. Бьянка *этих* людей ненавидела до судорог, до эпилептических припадков.

– Ну что? – невесело усмехнулась Лаура, глядя на двух доберманов, Санчо и Пансу, которые смотрели на нее внимательными, заискивающими глазами. Трудно было поверить,

что таких вот красавцев могли выбросить на улицу. Впрочем, когда Бьянка их притащила домой, они выглядели иначе и красавцами их бы не назвал никто. – Жрать хотите?

Из глубины прихожей на Лауру таращилась еще одна пара глаз, лабрадор Кузя. Он появился только пару месяцев назад и еще не обвыкся, дичился всех – и нервной, взрывной Бьянки, и своих братьев, Санчо с Пансой, – их он вообще боялся до одури. Только семилетняя Жанна вызывала у него умиротворение, видимо, за счет своего относительно маленького размера. Она его и кормила, у нее он даже с рук ел.

– А вот перебьетесь. На меня-то что вы смотрите? Смотрите на вашу разлюбезную Бьянку, это она забыла вам кости заказать. И главное – все равно она ни черта не делает, а забыла! – Лаура понимала, что не права, но уж такое у нее сегодня было настроение – то ли водки выпить, то ли зарезать кого. Скорее все-таки водки. Что еще пить в январе?

– Я так и знала, что весь мой труд для тебя – ни черта не значит. Я вчера мыла пол весь вечер! Пока ты винище хлебала! – моментально раздался крик.

Значит, подслушивает. Это хорошо.

Лаура хмыкнула:

– Что-то я не вижу чистого пола!

– Ты... ты!.. – Бьянка выскочила и чуть ли не с кулаками бросилась на Лауру.

Панса начал лаять и прыгать вокруг них.

– Я – ухожу. У меня встреча с заказчиком.

– А молоко?

– Сходишь сама. Вот деньги. – Лаура сунула Бьянке двести рублей. Еще двести рублей остались лежать в кармане, и это было – все.

– Я не пойду, – уперлась Бьянка.

– Тогда сиди без твораго. Как дура! – закончила Лаура и, пока не начался следующий акт Бьянкиных причитаний, побежала прочь из баклажанового цвета недокрашенной прихожей. Два года назад Лаура неправильно подсчитала и основная краска кончилась на середине работ. А краска нужна была дорогая, рельефная. Идея была сделать прихожую на манер пещеры – под стеллаж, – и уже были выведены гипсокартоновые контуры, сделаны арка и конструкция на потолке. Зашпаклевали, прогрунтовали все, Лаура вручную рисовала тени и линии, а потом базовая краска кончилась, и как-то не нашлось времени ее купить. Прихожая так и осталась готовая наполовину. Как-то стало не до нее.

Лаура решительно отвела глаза от обшарпанных стен и пошла к лифту. Никакой встречи с заказчиком у нее не было. Не только сегодня, вообще. В последнее время с заказчиками было плохо. И даже хуже. Кризис! Никому не нужно ничего, кроме картошки и прочих составляющих продовольственной корзины. Не до искусства. Но оставаться дома и терпеть все это – нет уж, увольте. Это тоже было выше ее сил. Лаура села в лифт и закрыла глаза.

Она запоздало подумала, что надо было бы на самом деле

идти по лестнице, так не было бы риска встретиться с кем-то нежелательным, с кем-то из *этих*... Всегда можно постоять и послушать, подгадать, чтобы на первом этаже никого не было. Но... поздняк метаться. Через минуту двери лифта открылись, и (не везет – так не везет) Лаура увидела, что на площадке напротив лифта, у почтовых ящиков копается женщина в весьма затасканной и даже сальной, но все же норковой шубе.

Лаура подумала в ярости: «Двадцать первый век, столько материалов, не менее теплых, да и легких к тому же, а она все туда же, как на боярской Руси, норовит намотать на себя тулуп побогаче, чтоб побольше трупов пошло на шубу. Невозможные люди». Ее моментальным и вполне оправданным желанием было вскочить обратно в лифт и вернуться в свою баклажановую берлогу. Но она не успела. Женщина обернулась. Ее лицо искажилось одновременно от ненависти и радости. Попалась, Лаурочка!

– Ваши собачки. Они опять ночью лаяли! – визгливо завопила дама, бросаясь вперед. Лицо ее, и без того красное, стало буквально стекать вниз кусками макияжа.

– На то они и собаки, чтоб лаять, – пробормотала Лаура, не глядя на соседку снизу и стараясь аккуратно продвинуться к выходу. Соседка не давала проходу. Соседи – еще одна беда России, наряду с дураками и дорогами. Они, как сумасшедшие осы, роились вокруг Лауры и все время жалили, даже если она их не трогала. Она никого не трогала, но на

нее же сразу начинали орать.

– Вы не имеете права. Никакого права! Я на вас напишу в управу. Тебя выселят, – неожиданно она перешла на «ты», чтобы, видимо, увеличить общую сумму презрения, которого никогда не было достаточно, по ее мнению. – Ты тут даже не собственник, я узнавала.

– Да что ты! – воскликнула Лаура, с трудом подавив желание отвесить соседке оплеуху. – Узнавала? А по какому праву? Это вообще не твое собачье дело.

– Мое! А твоя лесбиянка тут вообще не прописана. Я с милицией приду.

– С полицией.

– Вы наше электричество воруете, – это уж был полный бред. – За потоп когда заплатите? А собачек ваших надо усыпить. Они все небось больные. Да, усыпить.

– Тебя надо усыпить, – не удержалась Лаура и, не дожидаясь, пока соседка справится с волной возмущения, рванула к подъезду.

– Что-о?! Да я... да ты... кошка драная. Ты что о себе вообразила?! Матери твоей надо тебя выгнать! Ты у меня отведишь за все. Да ты, наверное, заразная! – понеслось вслед.

Знакомая песня. Лаура только хмыкнула, вылетая из дома, в котором по нелепой случайности застряла на все двадцать восемь лет, хотя давно должна была убраться отсюда, все равно куда. Какая глупость. Надо было поплыть вплавь. Не утонула бы небось, спасли бы. Вытащили бы на берег, до-

ставили бы в больницу, а оттуда уже – дворами, каналами – в Неаполь, в Милан, в Рим, в конце концов.

Лаура добежала до магазина минут за десять, хотя в магазине ничего ей не было нужно. Да и денег не было, на двести рублей что купишь? Но ее гнало возмущение, застилавшее глаза. И холод. С красной стразовой курточкой она ошиблась. Не по сезону. Январский вечер в Москве – это вам не хрень собачья. Московскую стужу надо уважать, не отмахиваться от нее тонкими стразовыми курточками. Но любила она эту куртку, только ее и носила уже, почитай, второй год.

Без шапки, без перчаток, с мелочью в кармане – перспективы на вечер были хуже некуда. В магазине у дома было прилично народу, но это было даже и хорошо. Лаура послонялась между стеллажами, купила все-таки бутылку пива (теперь домой точно идти нельзя) и присела на скамейку около сейфов для сумок. Куда деваться – было непонятно. Можно было, конечно, найти к кому бы завалиться, только... поздно. Да и мало с кем Лаура общалась теперь. Тем более так, чтобы завалиться по-простому, без приглашения, без повода. Лаура совершенно не понимала, чем ей заняться без денег в кармане, в такой холод, с разобиженной вусмерть Бьянкой дома. Она крутила в руке свой любимый поюзанный iPhone и думала, кому бы позвонить.

– Я просто не понимаю, Машечка, как тебе в голову пришло являться на работу в таком виде. Нет, в самом деле, тебе не кажется, что это – чересчу-ур? Ты хочешь проблем? – Голос Карины, начальницы, звучал обманчиво мягко. Она всегда так тянула звуки и улыбалась – хищная анаконда – перед тем, как слопать очередного кролика.

Я стояла перед ней, испытывая мучительные приступы головокружения и тошноты, и мечтала о том, чтобы она сошла в ад. А что? Для нее там – все свои. А для нас мир станет лучше, если в нем не будет Карины Эдуардовны.

– Я... не из дома, – пробормотала я срывающимся в какое-то сиплое карканье голосом.

– Это уж я поняла, – хмыкнула Карина. – От тебя разит, моя дорогая. Машечка, от тебя я этого никак не ожидала. Ну, вот от кого угодно, но не от тебя. У тебя что, головы нет на плечах? А вот это что? Пятно на блузке? И как я должна на это смотреть? Работа тебе не нужна? Или ты думаешь, что я спущу такое без последствий?

– Не думаю, – кашлянула я. На мне все еще были надеты те же джинсы, голубые, потертые, – оторвала на распродаже в Levis. Отдала сорок баксов. Теперь они казались мятыми и грязными.

...прыгай ко мне на колени, детка. Не бойся, я знаю, что

делать с такими ножками...

– Ты работаешь в приличном месте! – укоризненно помахала длинным пальчиком высокоморальная Карина.

Моя белая блузка была еще хуже штанов. Она вся измялась, на рукав этот М@стер опрокинул бокал, и теперь на нем имелось большое розовое пятно чуть ли не до локтя.

...вот за что я не люблю красное вино. И чего вы, женщины, в нем находите? А ты любишь текилу?..

– У меня... у меня в семье проблемы. Сложности, – проворчала я, пытаясь сбросить, с глаз долой и желательно из сердца вон, все эти тонны фраз и ухмылок и особенно красивое молодое лицо искателя экстрима. Как бы я много дала, чтобы стереть его из памяти. Чтобы мы никогда не встречались.

– У всех, Машечка, сложности. Думаешь, у меня сложностей нет? – хмыкнула Карина. Она обожала сплетни, обожала быть ближе к народу. Народом, соответственно, была я. Но именно сейчас я очень хорошо понимала, насколько, насколько далеко Карина Эдуардовна от народа. Она стояла – подтянутая, в красивом дорогом платье, в туфлях на десятисантиметровых шпильках. У меня были не чищены зубы. Я думала об этом постоянно. Моя кожа пахла М@стером_добрых_дел. Я была неприятна самой себе.

– Такой уж у нас дресс-код, – продолжала она. – Можешь хоть сто раз не ночевать дома, но блузку поменять обязана. Неужели ты не могла хоть на пять минут пораньше выйти и

купить кофту? Кажется, мы платим тебе достаточно? Наверное, зря, – фыркнула Карина и внимательно посмотрела на свои длинные ногти. Она постоянно на них смотрела, будто у нее там на них была шпаргалка. И время от времени, раз в пять-десять минут, ей было нужно подсмотреть, что говорить дальше.

– Я... больше не повторится, – вяло бормотала я, понимая, как все это выглядит жалко и смешно. И зачем-то прибавила патетично: – Клянусь.

– Клянешься? – хмыкнула она.

Я пожалела, что не заехала домой переодеться. Тем более нельзя сказать, что у меня на это не было времени. Времени было – вагон с телегой. Я уехала от М@стера еще до того, как на улице начало светлеть. Сейчас вообще не светлело, мы жили, как жертвы ядерной войны, в вечной темноте, в таком холодном подземелье. Было, кажется, около шести утра, а я уже сидела за рулем своей тачки и кусала губы. Я не поехала домой, я отъехала на пару кварталов от М@стера и сидела в машине в тупом оцепенении, глядя на людей, пробегающих мимо. Я не думала ни о чем. Я не смогла поехать домой. Там был Алексей.

...зачем тебе уходить? Разве тебе не понравилось? Встретимся еще? Я напишу тебе в личку...

– Мне... мне нужно вводить кейсы, – аккуратно бросила я, но, конечно, я не надеялась всерьез отделаться так легко.

Карина оторвала взгляд от ногтей и нахмурилась.

– Я что, задерживаю тебя? Ты это хочешь сказать?

– Нет. Не хочу. Не это, – забормотала я, изворачиваясь, как уж на сковородке. Я бы хотела сказать ей, что она сука, что ей надо бы вылить на лицо кислоту или взорвать ее. Сегодня я была что-то кровожадна.

– Ты выглядишь, как жеваная бумага, – с убийственной точностью сказала она, внимательно разглядывая меня, будто я была шимпанзе в клетке ее личного зверинца.

Я же и чувствовала себя именно так. На моей коже еще оставался запах моего любовника. Я все еще чувствовала его руки на своем теле, я уже жалела о том, что сделала. Жалела обо всем. И главное, о чем я жалела, – что ничего не изменилось. Должно было измениться, но осталось прежним. Только вот эта легкая брезгливость, как будто ты подняла с земли кем-то выброшенный персик, откусила его и поняла, что он гнилой. Вот это – привкус гнили. Я что, не знала, что нельзя есть всякую дрянь? Спать с кем попало? Нет, не права Янка, совсем не права. Нет никакого чувства равновесия, только тупая пустота, усталость и желание увидеть Олеську. Сколько можно таскаться с писателями? Кто их сейчас читает? На земле остался только Livejournal! Весь мир – один сплошной ЖЖ.

...у меня презервативы кончились. Может, так?..

– Можешь не имитировать рабочий оргазм. Не поможет. Ну скажи, что случилось? – ободряюще кивнула мне Карина. Она, бедная, надеялась, что я ей расскажу, что со мной

происходит. В деталях, с подробностями. О том, как я слаба и несчастна, как меня больше не любит муж. Сейчас я была ей мила, глядя на меня, Карина доподлинно убеждалась, насколько успешна ее жизнь. Что бы ни происходило, Карину интересовало только одно: она ль на свете всех милее, всех умнее и хитрее. А сейчас даже невооруженным глазом было видно, насколько удачна ее жизнь в сравнении с моей и всех остальных таракашек нашего офиса. Сияющая бизнес-леди и ее ручные серые мышки.

Я поморщилась.

Я не люблю Карину, но я завидую ей. Она настолько полна собой, погружена в свой маленький жалкий мир, что даже не осознает, насколько бессмысленна и пуста. И вся ее жизнь, все ее так называемые интересы – пустота в квадрате. Но ей – ничего. У нее есть МВА. Она умеет говорить так, чтоб было видно, насколько она умна. Она хочет карьерного роста. Мне бы так. Легко и без угрызений совести переносить полнейшую бессмысленность собственного бытия.

– Со мной все в порядке, Карина Эдуардовна, – сказала я, и она погрузтелась.

Что поделать. Откровенничать с ней опасно – она как американская система правосудия. Все, что ей сказано, может быть использовано против вас.

– В любом случае я сделаю пометку в твоем деле. И еще. Останешься после работы на час завтра, а еще раз придешь в таком виде – уволю. Сейчас, Машечка, кризис. Люди за

такое место, как твое, биться будут и в ногах валяться.

– Да я готова, – ляпнула я, с трудом сдерживая желание плюнуть в Каринино лицо. Прямо поверх ее MaxFactor.

– Чего ты готова? – опешила она и снова пристально посмотрела на ногти.

– Валяться.

– Что? – нахмурилась она.

– В ногах валяться ради этой работы. И все отработаю. И спасибо большое, Карина Эдуардовна. За все! – Я юродствовала, хоть и понимала, что это – уже чересчур. Это уже лишнее. Если я сегодня еще и работу потеряю, это будет достойное завершение идиотического дня (и ночи) и вообще – полный кошмар. Но мне почему-то ужасно захотелось, чтобы все это случилось. Чтобы меня уволили, чтобы муж меня выгнал из дома, чтобы я пришла вечером в дом к М@стеру:

...Я решила остаться с тобой навсегда...

Хотелось потерь и увольнений, хотелось бурь и торнадо.

Я злобно улыбалась. Но, конечно, это только похмелье.

– Поговори у меня, – хмыкнула начальница и ушла наконец к себе. Ее невиданная щедрость. Не орала, не возила меня прилюдно об стол мордой. Даже разрешила ехать домой. Но домой я не хотела. Как я сказала, дома Алексей.

Дети российских олигархов погуляли в итальянском клубе на 80 000 евро, после чего отказались платить по счетам.

*** * ***

Известный московский актер погиб в ДТП в центре столицы.

Предварительно – он управлял машиной в нетрезвом состоянии.

*** * ***

Люберецкая прокуратура возбудила дело по факту кражи плаща великого воина и других реликвий.

Общая сумма хищений с аккаунтов в интерактивной игре «Путь воина» составила более чем сто восемьдесят тысяч рублей.

*** * ***

Алексей сидел за столом и пялился в монитор. Он не искал чего-то определенного, он просто скользил от одной бес-

смысленной новости к другой. Политический и экономический разделы были употреблены им в первые же двадцать минут бодрствования и не сказали ничего нового или интересного. Теперь он читал все, на что падал глаз. Так начинался любой день Алексея. Он открывал глаза, он был жаворонком, а не совой, поэтому его глаза открывались куда раньше глаз его жены. Так что он открывал глаза, несколько минут смотрел в окно, расположенное прямо напротив кровати. Иногда это было не очень удобно, яркие лучи били прямо в комнату, с шести утра заливая светом всю их супружескую кровать. Это жена была помешана на солнечной стороне, на море света, от которого повышалось настроение... Начиталась в Сети какой-то дряни об эндорфинах и солнце, а Алексей из-за солнечного света по утрам не мог разобрать букв на экране своего iPad. Яркость гаджета была несравнима с солнечным светом. Солнечные лучи заставляют даже белесый свет от ксеноновых фар выглядеть тусклой, еле заметной керосинкой.

Если день был солнечным, Алексей просыпался, брал iPad и шел в ванную комнату. Да, это идиотизм, даже на толчке сидеть и пялиться в экран. Но Алексей новости любил и не представлял себе дня без того, чтобы не окунуться в гущу новостной шелухи. Признаться честно, без ежедневного браузинга он чувствовал себя как бы... в изоляции, что ли. Это была странная потребность – читать новости. Он читал их все, сравнивал разные материалы на разных сайтах. Ругался,

если журналисты лепили откровенную фигну.

*...золото Америки, хранящееся в резервных хранилищах
Форт-Нокса, – поддельное.*

Американцы снова всех обдурили...

– Какая глупость! – сказал он вслух. – Любой спектрометр тут же покажет разницу.

Рядом с Алексеем не было никого, и поэтому никто не отреагировал на его фразу, не стал поддерживать разговор. Он, конечно, был бессмысленным, этот разговор об американском золоте из вольфрама. Но тишина нервировала Алексея. Солнца не было, зимой солнце не то чтобы всходит – выползает из-за горизонта, кутаясь в облака. А в такие дни, как сегодня, всходили одни только облака, никакого солнца. Москва была укрыта толстым слоем непогоды, которая периодически прорывалась через дырявые тучи и смешивала остатки пространства в снежный вихрь.

Алексей лежал в кровати, с iPad в руках, а рядом никого не было. Жена не пришла ночевать – это было странно. Об этом следовало подумать, но Алексей решил для начала почитать новости. Убаюкивающие строчки мелькали перед глазами.

...Доллар упал на 5 копеек, евро потерял 1 копейку...

...Сайт одноклассников стал причиной разводов в 80 000 семей...

Алексей встал, положил гаджет на тумбочку и прошел в кухню. Тарелки все еще валялись в раковине, грязный ста-

кан с недопитым чаем стоял на кухонной тумбе. Есть не хотелось. Не в том дело, что он утратил навыки и не мог бы пожарить себе яичницу. Не так уж долго он был женат, не так уж хорошо готовила его жена, чтобы не бросить на сковородку пару яиц. Просто не было аппетита. Надо было ехать на работу, причем пешком по непогоде, ведь машина-то осталась у жены.

– Мы снимаем квартиру, поэтому не ездим в отпуск. У меня уже три года одни и те же сапоги. А на машине ты мне ездить вообще не даешь! Можно подумать, она только твоя, – негодовала Машка.

В чем-то она была права. К машине Алексей относился трепетно. Взял в кредит, долго выбирал. Полгода, наверное. Секретки поставил. А жена водит так, что хочется закрыть глаза и выпрыгнуть на ходу.

– Да бери ты ее, пожалуйста, – кричал Алексей, но, конечно, лукавил.

Женщина за рулем... Оказалось, все совсем не так очевидно. Машка водила аккуратно. Он ей тачку фактически отдал, и что? Машка не пришла ночевать. А он должен стоять в кухне и смотреть на грязные тарелки. И думать, что это ее отсутствие должно означать. И готовить себе завтрак, который он совсем не хотел есть. Все это было категорически неправильно.

– Проверю почту, – пробормотал Алексей, развернулся и вышел из кухни.

Дело было не в завтраке, конечно. С Машкой что-то происходило, а у Алексея не было ни желания, ни сил заниматься этим.

– Оставь меня в покое! – говорил он ей.

Но он же, в общем, не это имел в виду. У него столько проблем. А у Машки столько желаний. Столько глупостей в ее маленькой глупой голове. И не скажешь, что ей двадцать восемь лет. Скорее пятнадцать. Переходный возраст.

Алексей вернулся в комнату, взял iPad и потер усталые глаза. Чувство было такое, что в глаза бросили горсть песка. Самое обидное, что он проглядел все глаза, вычитывая эти глупые новости. Он посмотрел на часы и ужаснулся – он уже почти наверняка опоздает, а ведь даже не начал собираться. И кому, скажите, интересно, фальшивое в Америке золото или нет? Зачем лить себе в голову весь этот информационный понос? Вот опять целых полтора часа растворились в прохладном сухом воздухе без следа. И уже пора было бежать.

Засыпал Алексей тоже под шуршание телевизора. Жена злилась, она терпеть не могла этот новостной шум. Кто кого где взорвал, куда летят штатовские беспилотные истребители. Какая разница? Для нее это была бессмысленная информация. Положа руку на сердце, Алексей и сам бы не смог объяснить, почему ему так нужно каждую минуту знать, каков курс доллара и сколько стоит баррель нефти. И все эти конференции, большие восьмерки, аресты политических де-

ателей и крушения поездов – все это было, конечно, неважно. А важным было то, что сегодня утром он в доме один. И не знает, например, где находится его жена. Почему она не пришла ночевать? Просто осталась у подруги? Или эта тишина в доме означает что-то важное?

Россия в опасности. России грозит исчезновение.

После распада СССР Запад под знаменем демократии пытался захватить Россию и был близок к цели.

Распад России не волновал Алексея. Алексей сидел на краю кровати и думал, звонить жене или не звонить. Наверняка она была у Олеськи. Олеська вечно затягивает Машку в пространственно-временную воронку, из которой нет выхода до самого утра. И потом... может, это и к лучшему, что Машки нет дома. Тихо. Он уже забыл, как это, когда с утра дома тихо. Впрочем, не совсем тихо. Работал телевизор. Обещали метель. Зима, похоже, будет вечно. Звонить все-таки или не звонить?

Алексей сосредоточился и сделал себе кофе. Конечно, разлил его, пока варил, а как же. Кофе убежал, и Алексей, естественно, оставил это большое грязное пятно засыхать, пригорая, на плите. Подарок супруге. Потом он поднял лежащий на столике телефонный аппарат, iPhone, конечно. Дорого и не очень-то удобно. Набирать телефонный номер с сенсорного экрана толстыми мужскими пальцами – та еще

проблема. Но работодатель считает, что все топ-менеджеры должны ходить именно с iPhone. Алексей подозревал почему. Они говорили – тысячи приложений. Любой форум, постоянное соединение с Интернетом. Но дело не в этом. Это был поводок и ошейник в одном флаконе. По iPhone можно было оттрассировать любого сотрудника – где он и когда. Даже можно было прослушивать разговоры. Причем препятствовать этому было очень сложно, из iPhone даже батарейка не вынималась. Алексей был всегда на связи. С ним всегда можно было связаться, и тем не менее жена с ним не связалась. Сейчас ей уже пора выезжать на работу, а она так с ним и не связалась.

...нет неотвеченных вызовов... нет новых сообщений...

Их кухонька была уютной. Машка притащила откуда-то благородные бордовые шторы и белоснежный тюль, поставила телевизор на холодильник. В холодильнике обычно всегда были какие-нибудь котлетки. Пусть даже и из полуфабрикатов.

Она уехала на машине. Вдруг с ней что-то случилось? С Машкой, конечно, не с машиной, будь она неладна! Когда-то он так хотел эту машину. Рассчитывал каждую копейку, чтобы дали этот чертов кредит, справки собирал. Теперь он ее ненавидел. Машину, конечно, а не Машку.

У Алексея болели глаза, он очень плохо спал, устал и чувствовал себя больным. Оказалось, что он без Машки не мог заснуть. Странно, потому что Машка всегда ворочалась,

стаскивала одеяло, телевизор выключала опять же. Но с ней рядом, даже с ворочающейся, как пропеллер, он всегда хорошо высыпался. Иногда ночью он неожиданно открывал глаза, особенно если приснится что-то, какая-нибудь муть, морок. Тогда он властно выдергивал Машку из того плотного кокона, который она сплетала вокруг себя из их общего одеяла, притягивал к себе, овладевал ею так же бесцеремонно, не обращая даже внимания на то, проснулась она или нет.

– Ну ты медведь! – ворчала она, но постепенно всегда та-
яла в его руках, изгибалась, тянулась к нему, подставляла гу-
бы.

– Ах ты медведь! Ах ты... – шептала она, прижимаясь к нему всем телом. Он ужасно любил вот так ее будить, покоря, подчиняя себе ее теплое спящее тело. С ней у него никогда не было проблем со сном. Оказалось, что в ее отсутствие в спальне слишком много тишины, слишком много одеяла для него одного.

– Черт! – Алексей отпил кофе, тот оказался горьким, как хина, и горячим. Он отставил чашку, отхлебнул холодной воды из-под крана, снова вернулся к экрану телефона. Открыл приложение, зашел на почтовый ящик.

Входящие. У вас 3 непрочитанных сообщения.

Алексей просветлел. Может, она не дозвонилась, поэтому бросила письмо? Он нажал на ссылку, закрутились песчаные

часы. Интернет дома медленный и дорогой. Yota. Наверняка осталась у Олеськи, а мужу письмо написала. Нормально? Вечно эта Олеська, никак от нее не отделаешься. Машка к ней привязана, как к какой-то прямо родственнице. Фактически к родственникам Машка привязана была вообще мало. С сестрой они встречались раз в год на праздники. Очень уж они с Янкой были разные. А от мамы вообще бегала как от чумы.

Он открыл почту.

«MALINA» robot@malina.ru

18 января У вас есть накопленные баллы

09:18

Олег Данилов dania1976@mail.ru 18 января Без темы

09:40

Олег Данилов dania1976@mail.ru 18 января Без темы

9:44

Алексей почувствовал, что расстроен. «Малина» эта чертова, даже и захотел бы, Алексей не смог бы вспомнить, чтобы регистрировался в этой мути. Но шлют, шлют какие-то баллы. Наверное, Машка регистрировалась. С его адреса? Странно, но возможно. Машка.

Не написала. Алексей почувствовал, что злится. Он взял телефон и подумал, что сейчас все-таки наберет ее номер и наорет на нее. Алексей зашел в «Контакты» своего телефо-

на, нашел там номер жены, к нему была прикреплена ее маленькая фотка. На аватарке Маша улыбалась, все руки перемазаны в тесте. Делала пирог, когда он ее щелкнул. Алексей сморщился и отключил экран. Он еще секунду подумал, потом набрал номер.

– Данилов, ты мне не те прайсы прислал. Это старые прайсы, Данилов! – злобно фыркнул Алексей.

– Ты оба письма посмотрел? – как всегда невозмутимо, спросил Данилов.

– Оба, оба я посмотрел. Ты меня за идиота считаешь? – возмутился Алексей, хотя действительно посмотрел только первый присланный файл.

– Я тебя за идиота не считаю, хотя файл ты не посмотрел, – еще спокойнее проговорил Данилов. – У нас встреча с «Триксервис» в двенадцать. Есть шанс, что ты успеешь?

– Я без машины, так что даже не знаю...

– Почему ты теперь постоянно без машины? – удивился Данилов. – На черта ты тогда ее вообще покупал?

– Я доеду на такси. Жди, – бросил Алексей. О том, что машина теперь вечно у Машки, он говорить не собирался. Не Данилова это дело. Он отключил связь, посмотрел на экран телефона. 10:42. Потом вздохнул и набрал Полину.

* * *

Работать не хотелось до одурения. Я слонялась по стра-

ницам, перепрыгивая с баннера на баннер. Никакая информация не оседала в моем мозгу. Рядом лежала стопка чьих-то паспортов. Все они жаждали быть проштампованными, пропечатанными и украшенными визами. Я посмотрела на стопку и снова зевнула. Бессонная ночь, да еще с таким сомнительным наполнением, давала о себе знать. Когда зазвонил телефон, я даже обрадовалась. Еще немного наедине с паспортами, и я уснула бы прямо за столом.

– Марьяна? – голос Яны, моей сестры, звучал строго и деловито.

– Яна?

– Ну что? Как? Как это было? – спросила она совсем другим голосом.

– Что – это?

– ЭТО! Ты же встречалась... сама знаешь с кем? – Она была заинтригована.

Я огляделась. Начальница, гидра вездесущая, отсутствовала. Можно было поговорить. У нас в визовом центре телефоны сто пудов прослушиваются, и говорить тут о личных делах не рекомендуется, но все говорят. Надеюсь, у тех, кто прослушивает их, не ссыхается мозг от всей нашей белиберды. У меня бы ссохся.

– Ужасно. Ян, это было ужасно, – призналась я.

– Вот это новости! – возмутилась Яна. – Почему же ужасно?

– Чужой мужик. Какая-то мерзость.

– Что, так плохо? Он что, тебя обидел?

– Нет, – вздохнула я. – Не обидел. Может, лучше бы обидел. Подрались бы и разошлись. А теперь я чувствую себя шлюхой.

– Какая глупость! Ты отомстила *этому*, – заверила меня Яна. Я привыкла к ее авторитетному тону, привыкла прислушиваться к ее мнению и редко спорила с ней. Так бывает, если у вас старшая сестра, особенно если она настолько старше – на двенадцать лет.

– Вдруг ему не за что было мстить? – высказала я крамольную мысль.

– То есть?

– Вдруг он мне и не изменяет? – предположила вдруг я.

– Ты же была уверена? – опешила Янка.

Еще вчера мы обе были уверены на 100 %, что мой муж Алексей мне изменяет. Я даже прочитала статью о признаках мужских измен, Яна выслала мне ссылку на какой-то форум. И я нашла все перечисленные признаки и была готова броситься в бой, в чужую постель. И чувствовала в тот момент, как говорится, глубокое удовлетворение.

– А вдруг я ошиблась? Я подумала – это же Алексей! Это же мы с ним! Все это какой-то дурной сон. А теперь этот кошмар и не кончится. Теперь я и сама... такая же.

– Ты это прекрати. Вечно ты себя пилишь. Из всего делаешь спектакль. Совсем как мама! – высказалась Яна. Это в нашей семье было ударом ниже пояса. Ни я, ни сестра на

маму быть похожими не хотели.

– Мегера идет! – пробормотала я и выключила связь. Говорить с Яной, когда она перешла к силовым приемам, я не хотела. Мегеры, т. е. Карины, не прослеживалось. Появилась надежда, что она куда-нибудь уехала по делам. Может, у нее маникюр. У нее всегда идеальные длинные когти, красные и вульгарные. Брр!

Я загрузила страницу. Где-то на yandex – вторая ссылка сверху – я нашла статью, которая в конечном счете и стала решающей в деле моей страшной мести.

...Ученые считают, что жена о похождениях супруга узнаёт последней.

Почти всегда это верно, но умная женщина всегда сумеет распознать, что к чему и почему...

Янка перезвонила. Упорная. Не отвяжешься. Совсем как мама.

– Даже если так. Даже если он тебе не изменил – ну и что. Зато теперь у тебя всегда все будет в порядке с самооценкой.

– Я хотела, чтобы у меня все было в порядке с мужем.

– Муж – штука, конечно, важная, но к любви имеющая весьма отдаленное отношение. Поверь умной опытной женщине, любовь умирает всегда. Как раз через пять лет. И измены – это что-то вроде необходимых реанимационных мероприятий.

– Я... я чувствую себя несчастной, – пробормотала я после небольшой паузы. Янкин взгляд на мир был прост, мой –

запутан и невнятен. Я всегда считала ее умной женщиной. И красавица, и умница, и комсомолка. Я комсомолкой не стала – опоздала с годом рождения лет на десять.

...Первый сигнал – изменение привычек.

Другое время подъема, новая туалетная вода, желание отпустить бороду...

Янка работает бухгалтером, а я себя бухгалтером даже представить не могу. Та еще работка. Но я вообще никем себя представить не могу. Лучше всего я себя чувствую, сидя на пассажирском сиденье нашей машины. Я переключаю радиостанции, мешаю Лешке слушать бесконечные новости и разговоры, подпеваю всем песням подряд. Меньше всего я могу себя представить тем, что я есть на самом деле. Клерк в визовом центре, вся задача которого – проштамповать определенное количество бумажек. Бессмысленность всей моей жизни чудовищна. Иногда мне кажется, что я застряла в каком-то безвоздушном пространстве и мне нечем дышать. Только Алексей – что-то реальное, подлинное. Мы с ним легко можем просидеть всю ночь на кухне, абсолютно голыми, и есть руками вафельный торт, потому что в доме всего один ножик, но и он грязный. И смеяться. Мы с ним постоянно смеемся. Смеялись. Сейчас мы почему-то даже почти не разговариваем. Почему?

...смена режима работы, частые отлучки из офиса, выключенный или поставленный на «бесшумный режим» телефон,

пропущенные звонки, частые командировки – еще один признак...

– А ты его видела? Сегодня?

– Нет. Я же от... *оттуда* – сразу на работу.

– И он даже не звонил? – заинтересовалась Яна. То, что муж мне даже не позвонил, меня тоже нервировало до невозможности. А если звонила я, Лешка теперь частенько пропускал мои звонки. Только представьте, звонит телефон, на экранчике высвечивается моя фотка, звучит песенка Seven Seas – установленная именно для меня. Он смотрит, потом немного сводит брови и нажимает кнопку «отбой». Ужас! А однажды он тоже не пришел ночевать. Где-то, наверное, с полгода или больше назад. Уехал к якобы друзьям, Данилов его, конечно же, прикрыл. Как всегда. Позвонишь Данилову – он всегда скажет, что Алексей только что уехал домой. Или что еще не уехал, но к телефону не подойдет – в туалете. А уж где Лешка на самом деле – пойдя узнай. В тот день он явился к утру – потасканный, пьяный в жопу, грязная рубашка, брюки, непонятно в чем он извальялся. Как будто масло или жир, какой бывает, когда курицу в духовке запекаешь. В общем, вся одежда в дряни какой-то. Он все с себя снял и бросил на полу в ванной. А я, значит, стирай. И думай. А на все вопросы один ответ: оставь меня в покое, я устал.

...резкие изменения во внешнем виде.

Если муж начинает маниакально следить за собой, стоит насторожиться. Также опасный признак, если супруг

по-другому постригся и уж слишком часто моется в душе...

– И я не звонила. Вдруг с ним что-то случилось?

– А ты его почту проверяла?

– Ян, ты чего? – нахмурилась я. Все-таки есть что-то в моей сестре, чего я никак не могу понять. Как можно копаться в почте?

– Очень даже можно. Ты его пароль знаешь?

– Нет.

– Ну и дура. Подгляди. Из писем многое можно узнать. И из СМС.

– Я уже не уверена, что хочу многое узнать. Я бы предпочла неведение.

...Если муж упорно избегает близости с вами – вероятно, он имеет уже с кем «сближаться» и помимо вас...

С близостью у нас всегда было отлично. И даже лучше. Его руки... м-м-м... мы могли даже просто лежать и смотреть друг другу в глаза, в темноте, и от блеска глаз уже бы заводились. Правда, в последнее время действительно мы с Алексеем больше смотрим телевизор. Курим бамбук. Он – в Интернете, а я – у телефона. Такая вот личная жизнь. Все признаки налицо, но уверенность – это другое, верно? Может, у него проблемы со здоровьем. Может, не стоит у него. А я – любовница, любовница. Впрочем, почему-то я не сомневалась, что со здоровьем у Лешки все в порядке. Мерзавец.

– Машка, ты меня слышишь? – крикнула вдруг Янка пря-

мо мне в ухо. Я вздрогнула и оглянулась вокруг.

– А чего?

– В этом-то и прелесть Интернета. Ты можешь быть кем хочешь.

– Ты о чем? – смутилась я.

Кажется, я пропустила все, что она вещала. Опять что-то об аккаунтах. Страсть моей сестры к Интернету – это что-то в самом деле ненормальное. Она обожала крутиться в виртуале. Однажды даже была мужиком. Успешно, кстати. Мы, бабы, на нее велись, как зайцы на морковку.

– Ладно, ты меня не слушаешь, – обиделась она.

– Почему? Я тебя уже послушала. Я была уже аккаунтом по имени SistemError, переспала с другим аккаунтом. Все, как ты учила. Но у нас с ним, знаешь, не совпали операции. У него явно голимая Vista. И потом, вдруг он был за-вирусованный? Правда, мы антивирусник использовали, ре-зиновый...

– Ты невыносима, – фыркнула Яна и замолчала.

Мне же стало как-то весело. Я взяла, да и снова отключила связь. Да, повела себя неприлично, невоспитанно до ужаса. Но Яночка – она как мать-земля. Перезвонила, конечно.

– Что-то разъединилось, – сразу сказала она, и в мыслях не держа, что это я – та самая помеха на линии.

Я не стала снимать с себя вину. Мне хотелось ее позлить. Я призналась, что отключила связь намеренно, и на минуту между нашими разговорными устройствами повисла тяже-

лая пауза. Ей и хотелось на меня наорать, но она не стала. На мужа своего она бы орала как оглашенная. Он тоже был любитель пошвырять трубки. Мы у нее все такие, с закидонами. Впрочем, его закидоны хуже. Ведь даже если кому иногда и хочется броситься на кого с кулаками, это же нельзя.

– Ты бы заехала к маме, – неожиданно сказала она.

– Зачем? – удивилась я.

Поездки к маме я практиковала нечасто. Как-то не были мы особенно близки. Она и любила больше Яну. Всегда отрицала это, но я знала, что с Янкой у нее всегда были отношения, а со мной – одни проблемы. Я и родилась поздно, когда мама была, как бы это сказать, измотана действительностью. Такого «подарка» от жизни она уже и не ждала. Хотела на пенсию, хотела покоя. А тут я. Да еще и памперсов тогда не изобрели.

Обычно любят младшеньких, но не в нашем случае. В чем тут дело – пойди разбери. Может, в том, что Яна была ответственным взрослым человеком, с сыном – мужем – квартирой – деньгами – обязанностями, тянула, как мама выражалась, воз. Я же каждый раз вызывала у мамы недоумение.

– Не верится, что тебе уже дали паспорт. Я бы тебя так за ручку бы и водила, – пожимала мама плечами, когда видела меня.

Бессмысленная рутина моего бытия проходила сквозь меня, не оставляя особенных следов, и к двадцати восьми годам я умудрилась сохранить беззаботный, даже раздолбай-

ский вид. Как говорит мама, меня постоянно хочется покормить манной кашей и посадить за уроки. Ей кажется, что из меня никогда не выйдет никакого толку. Потому что я ничего не хочу. И это правда. Единственное, к чему я расположена, это сидеть с ногами на диване и слушать, как Алексей разговаривает по телефону. А самой потихоньку расстегивать его рубашку. Но это, кажется, не может считаться достойным делом жизни. Жаль.

– Она там что-то тебе хотела отдать. Сказала, что хочет тебя навестить.

– Ужас-то какой. Только не говори, что у нее остались еще банки! – испугалась я.

Речь шла об очередной порции огурцов в уксусе, которые я ненавидела с детства. А мать консервировала и консервировала с упорством маньяка – огурцы, помидоры, лечо, синенькие, которые мне казались тухлыми, даже если были только с грядки, – они так противно расползались после термической обработки. Еще мама героически варила варенье, хватаясь за поясицу и переводя целые тонны сахара. В ход шли колючий крыжовник, клубника, малина, смородина и, конечно же, черника, которую мы – в принудительном порядке – всеми семьями были обязаны собирать по окрестным дачным лесам. Лешка выл, отказывался, кричал, что не позволит убивать машину на этих убогих дорогах, – но ехал. Не мытьем, так катаньем. Вот только... прошлым летом. Я вдруг вспомнила, что никуда он со мной не ездил. Мы таска-

лись на дачу с Олеськой и ее дочкой, я была за рулем. Странно.

Вот это – сто процентов – страннейшее изменение в его поведении. Мало того что он проигнорировал дачу. Он дал мне машину. Даже туда. Постоянно мне ее дает. Лишь бы отделаться от меня. Ну, не иначе он мне действительно изменяет. Что пишут форумы про мужчин, разлюбивших машину?

– Банки кончаются только к весне. Так что, – Янка продолжала с ноткой счастливого садиста в голосе, – если не забереешь сама, она поедет к тебе. А ей тяжести таскать – сама понимаешь, нельзя.

– Я... я заеду. Завтра, – тут же сдалась я. Буду завтра сидеть за маминым столом, давиться смородиновым вареньем и уклоняться от вопросов о моей жизни. Высижу максимум часа три. Как раз до того момента, как мама перейдет к инструкциям. И она, и Яна обожают давать мне инструкции. Они даже говорят с одинаковыми интонациями – менторскими, строгими. Только вот говорят разное. Одна учит меня смирению и призывает не дурить, другая настоятельно требует, чтобы я изменила мужу. Почему-то я слушаюсь вторую.

– Ну, как знаешь. Мне пора, звони. – Яна засуежилась, в голосе ее появилась досада. Будто я ее отрываю от дел своими разговорами.

– Вообще-то ты мне звонила. От работы меня оторвала, – едко уточнила я.

– Ты чего такая гадюка сегодня? Яду скопила? Девать его некуда?

– Как твой муж поживает?

– Нормально поживает, – нахмурилась Яна. – Работает.

– Разведись с ним.

– Ты мне что, решила совет дать? Дождись, пока я у тебя его спрошу.

Я снова отключилась, на сей раз любимая сестричка не стала перезванивать. Я посмотрела на часы. Рабочий день неумолимо клонился к вечеру, пора было потихонечку выкатываться домой. Но не хотелось. Одно дело сидеть на работе и предаваться безделью. Другое – предстать перед Лешкой. Больше всего я боялась посмотреть ему в глаза. Мне казалось – он сразу все поймет. И выкинет меня из окошка. Прямо в сугроб. Проблем-то больших не будет, мы живем на первом этаже. Выбросит, закроет форточку и больше никогда обо мне не вспомнит. Ужас. Но еще больше, чем этого, я боялась, что он, когда я приду, не обратит на это никакого внимания. Так и будет читать новости в Интернете. Потом попросит котлет. И все. Вот будет ужас. Поэтому я сидела и сидела, упорно игнорируя требования трудового законодательства.

– Ты домой-то идешь? – спросила наконец Верочка, девушка из-за стола напротив.

– Придется, – вздохнула я.

Верочка – добрая душа. Мы с ней всегда вместе ходим

обедать, а за соседними столами мы просидели вот так добрую пятилетку. Если Карина лютовала и торчала в нашем отсеке, мы переписывались по «аське»³. Только без «о-о!», это было бы слишком заметно. Верочка знала все о моей затее с изменой мужу. На самом деле, хоть она, кажется, была против, но М@стера_д_д мы с ней выбрали вместе. Он ей показался относительно приличным парнем. Сама она жила с каким-то жутким типом, который писал диссертацию и считался гением. Он ее писал, кажется, уже лет восемь. Верочка зарабатывала немного, но он, ее гений, был неприхотлив. Правда, выпивал. Я его никогда не видела. Не думаю, что он бы мне понравился.

– Идешь? – спросила она, стоя уже в пальто.

Я вздохнула и выключила компьютер.

* * *

В целом писатели вели себя хорошо. Главным образом потому, что выбора и возможностей вести себя плохо писателям дадено не было. Незачем баловать творческую интеллигенцию излишней свободой. Их график был составлен умело, с тем чтобы свободными оставались только поздние вечера. Обеды не в счет, они проходили под строгим контро-

³ ICQ – социальная сеть, где абоненты общаются в режиме реального времени, обмениваясь короткими сообщениями в специальном окне на экране. Новые сообщения поступают, как правило, с характерным звуком «о-о!».

лем принимающей стороны – библиотекарей. И хотя разведка донесла, что великий русский писатель Захарчук все же раздобыл себе где-то водки, в целом мероприятие двигалось вперед без заносов. Чего, кстати, не скажешь о транспорте. Тамбовская область оказалась весьма занесенной снегами и почти совсем не расчищенной.

Было холодно. Именно поэтому Олеся особенно тщательно следила, чтобы состав просветительской бригады не имел бесконтрольного доступа к горячительным напиткам. И все складывалось неплохо, не считая Захарчука.

– Писатели выступают, народ хлопает. Журналисты снимают, – докладывала Олесе помощница Танечка.

К вечеру первого дня начали поступать первые отзывы и впечатления.

– У нас в машине не работает печка!

– У меня в номере не течет горячая вода.

– Ишь ты, чего захотели. Горячая вода! Вам, беллетристам, мыться незачем. Вам не привыкать в грязи ходить. – Это, конечно, выступил все-таки набравшийся великий писатель. – Вы в деньгах купаетесь.

– Да как вы смее! – возмутилась одна поэтесса, некто Кроликова, тоже, кстати, из малотиражных. Такими добирали делегации, если уж совсем никого не удавалось достать из «приличных». В Тамбов зимой, знаете ли, не всякий поедет. – У меня премия!

– А меня в школе проходят, – «уделал» ее Савва.

Олеся удивленно осмотрела его еще раз. Что-то она ничего об этом не слышала. Не дай бог, ее дочери такого вот кадра дадут читать. Что он, кстати, написал? Хоть знать бы. Впрочем, незачем. Не надо.

– Так, успокаиваемся. Душ починят. Или вас переселят. Савва, друг мой. Не изволите ли отужинать, да посытнее? Вам надо.

– Что вы говорите, – тут же завелся великий. – Вы тут нас совершенно не кормите! Совершенно.

– Как же. Вы ж весь день пьяный, – фыркнула поэтесса.

Впрочем, за ужином идейные разногласия были преодолены. Поэтесса выпила тоже немножко, Олеся разрешила. И они с Захарчуком весь вечер потратили на какие-то литературные дебаты. В поведении поэтессы, дерзком и неприимимом, начали проследиваться эротические намеки. Поэтесса не была замужем и писала в основном о любви.

– Господи, как я устала! – воскликнула Танечка, когда первый день все же закончился.

– Да уж. Хорошего мало. Но бывало и хуже, – философски заметила Олеся, пожимая плечами. – Хотя бы появилась эта поэтесса, и этот деятель не пристаёт ко мне больше. А ей он, может, – бальзам на раны.

– Брр! Врагу не пожелаешь.

– Почему? Врагу как раз можно, – хмыкнула Олеся. – Себе – нет. А потом о них будут писать: «Самобытная творческая пара, союз двух талантливых людей».

– Слушай, а кажется, этот Захарчук женат, – усомнилась Танечка. – Точно. Женат. Жена у него живет в Питере, а любовница в Москве. Вернее, в Перловке, рядом с Мытищами. Он у нее останавливается, когда наезжает к нам.

– Час от часу не легче. Он еще и не наш. Откуда мы его вообще взяли? – Олеся расстелила постель. Спать она не хотела. Слишком устала, чтобы спать. Мысли крутились и крутились вокруг всякой ерунды. Дочка должна была писать контрольную. Матери надо будет выслать денег. Машка с кем-то переспала. Наверняка теперь обливается слезами и корит себя. Машка была – как бы это сказать... ветер. Не в том смысле, что в голове. Хотя и в голове, и в заднице – ветра гуляли. Просто такая вот сумасшедшая наша Маша. Одни глупости делает и всех любит. И заглядывает всем в глаза, думая, что люди никогда не врут и никогда не делают гадостей. Вот из-за этого-то Олеся всегда боялась за Машку. Из-за ее странной взрослой наивности. Из-за того, как сильно она привязывается к людям. К мужу, в частности. К мужьям привязываться опасно вдвойне, с ними надо особенно держать ухо востро. Но Машка – она всей душой, в ней какое-то ненормальное, опасное для жизни количество любви. И не в том слащавом фальшивом смысле, в котором принято теперь говорить о любви. Машка любила как собака, преданно, бездумно, безусловно. Кого из наших мужчин можно вот так любить? А он, ее муж, конечно, ничего этого не понимает. Ему бы только на Nissan Qashqai накопить. В этом его сча-

стве.

– Алло, гараж! Олесь, ты здесь?

– А? – Олесь дернулась, посмотрела на Танечку. Та, okazывается, что-то говорила.

– Повторить?

– Ну... да, повтори. Я отрубилась.

– Я и вижу. Говорю, Захарчук – он получил какую-то, знаешь, премию. Не помню, то ли Большая Книга, то ли просто Книга. Его издает Белкин, в Питере. Я тебе о нем говорила, мировой мужик.

– Кто мировой мужик? Захарчук?

– Женя Белкин. Мы с ним на всех выставках работаем, всегда четко в срок. Он вообще фантастику издает, всяких историков тоже. Ну и лауреатов, у него такая есть серия. Собственно, наш Гений среди удобрений – из этой серии. Тираж – две тысячи экз.

– Так его что, серьезно проходят в школе? – опешила Олесь.

– Нигде его не проходят. В каком-то обзоре указали его книгу как часть наследия.

– А, наследие. А мы тут теперь отдуваемся. У человека же корона выросла такая, что скоро крышу гостиницы пробьет. Интересно, что он написал?

– Что-то зубодробительное про непонятную войну. Окопы, дерьмо и матерщина.

– Ну, все как сейчас принято. Тогда понятно, чего ему

премию дали.

– Белкин говорил, что премию ему дали случайно, – усмехнулась Танечка. – Две группировки играли друг против друга, вот и накидали «шаров» нормальным писакам. Сами были в шоке, когда наш Савва вылез в лидеры.

– А ему идет премия. К лицу, – рассмеялась Олеся. – К бороде. Если не вслушиваться в то, что он говорит, – чистый Толстой. И шапка творческая, с рисуночком.

– И с помпоном.

– Вот так и делается пиар, на пустом месте.

Сон мало-помалу все же затуманивал мозг. Танечка утихла и засопела. Спать оставалось всего ничего. На завтра был запланирован обед у губернатора, а также фотосессия с прогрессивными московскими писателями. Так сейчас было модно – поддерживать культуру лично.

Все это, покрутившись немного в Олесиной голове, потихоньку исчезло, и перед глазами появилась дочь Катя. Во сне она стояла посреди зеленой лужайки около их дома в Твери, в летнем платье, в платочке, слетевшем немного назад. Катьюшка улыбалась и махала рукой. И если бы кто-то посмотрел в этот момент на самую Олесю, то увидел бы, как беззаботно улыбалась во сне эта женщина. Ее жизнь, не считая писателей, была хороша и, самое главное, спокойна. Спокойствие, только спокойствие. За этот ее принцип Машка часто звала ее Карлсоном.

– Надо же кого-то любить?

– Я люблю дочь.

– Это другое.

– И слава богу, – качала головой Олеся. – Да уж, это точно другое.

– Ты должна полюбить мужчину!

– Ты смерти моей хочешь? Ты мне зла желаешь?

– Я тебе счастья желаю, – вздыхала Машка.

– Нет, моя дорогая. Тут, на этой планете, нет мужчин, достойных того, чтобы их любили. Если бы я такого встретила – я бы сразу узнала, я бы сразу пошла за ним на край света. Но таких нет. Поверь, я знаю. Я все время пробую.

– Пошлячка! – фыркала Маша.

Она знала, как много каких-то случайных, мимолетных связей было у ее лучшей подруги. Знала, как та легко и без сожаления отдается первому встречному, а наутро уходит и забывает, как того зовут. Олеся будто коллекционировала мужские слабости и недостатки, и с каждым романом, с каждой связью, такой непрочной, фальшивой, такой виртуальной, Олеся будто бы лишний раз доказывала самой себе, что мир этот давно пуст и обездолен. А ради этих, оставшихся, – заспанных, судорожно бегущих к жене, жмущих деньги в ресторане, не желающих жениться, заводящих любовниц – ради этой массы пустых серых лиц не стоит и напрягаться.

Женщина может полюбить, если захочет. Причем кого угодно. Если никого приличного рядом нет, женщина, которая ищет любви, полюбит какое-нибудь ничтожество. Уж

найдет способ договориться со своим бессознательным.

– Вообще-то он хороший! Его просто никто не понимает! Он совсем не такой, каким его считают! – Брр! Сколько Олеся такого видела. Да и сама... Однажды Олеся уже любила вот так – просто потому что. Олесин бывший муж – высокий, сероглазый, вечно хмурый, закрытый, весь в себе. Полюбить такого легко. Не любить – сложнее. Олеся долго этому училась – не любить. Двенадцать лет училась, можно уже давать докторскую степень. Теперь она не любила никого, кроме дочки и, наверное, матери. И такое положение вещей ее более чем устраивало. Олесе снилась ее дочь Катя, тринадцати лет. Олеся улыбалась.

* * *

Когда я устраивалась на работу в этот визовый центр, я, честное слово, думала, что это место – временное. Работа – ужас. Ничего бессмысленнее в жизни не видела. В первый же рабочий день Карина, она тогда еще была только ЗАМОМ, вывела меня в архив, показала на бесконечные полки стеллажей, металлические такие, серые, и сказала:

– Мы решили изменить порядок делового оборота. Надо отсортировать уже выданные визы за последние пять лет по типу, а также по годам. Все отсканировать и поместить в электронную базу данных. Ты этим и займешься.

– Хорошо, – кивнула я, думая, что это – дурной сон.

Бесконечные ряды папок, в них файлы, файлы... Имена, года, фотографии. Мелкие отметки. То, чем я занимаюсь уже пять лет, бессмысленно и невыносимо одновременно. Я переставляю папки местами. Распечатываю визы. Мечтаю о другой жизни. Засыпаю. Сажу на форумах. По вечерам иногда у меня трясутся пальцы, столько бумаг я пересматриваю и перекладываю за день. Нет, физически это не особенно тяжело. Работа, как говорится, не пыльная. То есть как раз пыльная, но в остальном простая и тупая. Я терплю это все уже пять лет. Зачем?

Хотелось бы сказать, что эта мутота – временная. И что я стремлюсь к чему-то, ищу какие-то более важные вещи, для которых бы стоило жить. На самом деле все просто. Я совершенно не знаю, как бы я могла все это поменять. И на что. И, честно говоря, зачем. Вот если бы мне предложили совершить что-то значимое. Подвиг там или какое геройство, спасти голодающих детей или бороться с какими-нибудь врагами. Тогда да, было бы понятно, ради чего. А так... Самый значимый поступок моей жизни к этому моменту – встреча с М@стером_д_д. Я героически изменила мужу, дайте мне медаль.

Моя работа имеет свои плюсы и минусы. Рабочий день нормированный, но, зевая от скуки, есть риск сломать челюсть. Профессиональная деформация. Зарплата стабильная, но, на мой взгляд, маленькая. Впрочем, кто скажет, что у него зарплата большая и даже чересчур огромная, пусть

присылает СМС-ку, я ему лично изготовлю нимб. И помогу справиться с проблемой.

Зарплата позволяет мне более-менее прилично одеваться, более-менее прилично проводить отпуск и иногда сидеть с подружками в маленьких уютных ресторанчиках. И эта возможность быть «более-менее в порядке» держит меня круче всяких цепей. Теперь еще машина. Кредит и страховки. Я заправляю ее бензином и понимаю, что он дорог. Все дорого. И кто скажет, что может жить без денег, тот врун несчастный.

Радио оглушительно гремело, пела Мадонна. Я машинально двигала головой в такт музыке и жевала жвачку. Конечно, вряд ли у меня в крови до сих пор могли быть следы алкоголя, но кто может быть в этом уверен? Я жевала свой Орбит без сахара и ненавидела все и вся. Жили мы далеко, по пробкам еще дальше – в Медведкове. Три дня на оленях, на «Кашкае» же – часа полтора-два. Но сегодня я не спешила. Спокойно «тошнила» в среднем ряду, слушала попсу и ни о чем не думала. Практически я спала за рулем. Убийца на дороге.

Открывая дверь в нашу съемную квартирку, я засыпала на ходу. Я уже устала бояться и волноваться. Я, как мне казалось, уже была готова ко всему. К скандалу, к битью посуды – все равно. У меня были заготовлены шаблоны диалогов, которые должны были произойти между нами. Я подготови-

лась. Даже сделала злое лицо. Боевая Матрена.

Но мужа не оказалось дома!!!

В квартире была духота, темнота и тишина, а больше ничего не было. И никого. Вот это номер. Я прошла в комнату, не снимая сапог. Компьютер на столе мерцал синим огоньком, экран был погашен. Незастеленная кровать, смятые простыни. Пока меня не было, Алексей ворочался. Наверное, смотрел телик допоздна. Сердце застучало как сумасшедшее. Я как-то не подумала, что его может не быть дома. И что теперь? Лечь спать? Я бросила сапоги посреди комнаты, сняла дубленку. Часы показали половину седьмого.

– Эге-гей! – крикнула я, в полной уверенности, что Алексей выскочит, как черт из табакерки. Но его просто не было.

Я походила по комнате, туда-сюда, туда-сюда. Чем заняться, даже не представляла. Через десять минут я не выдержала, сделала себе чай и все-таки, слабачка, набрала номер Алексея. Хоть и не хотела звонить. Но я ненавижу неопределенность. Я же уже была готова к ядерному взрыву и ледяной зиме. Вот и не выдержала. Не продержалась.

...Абонент временно недоступен. Out of coverage...

Вот, блин! Сев в кресло, я закрыла глаза и попыталась расслабиться. Я старательно убеждала себя, что сейчас усну, но спать не хотелось. Я пошла на кухню, достала с верхней полки шкафа сигареты, их туда прятал Алексей, и закурила. А

что? Его нет, никто меня не останавливает. Он всегда раньше вырывал из моих рук сигареты. Хоть и курил сам, а ненавидел, когда я дымила. Правда, я курить-то не умею. Так, пыхчу, как паровоз. Но не без удовольствия.

От дыма мне стало еще хуже, начало как-то даже мутить. Я затушила сигарету в цветочном горшке. Кактус стоял рядом с компьютером, ему полагалось впитывать радиацию. Я подумала, что, пока компьютер выключен, радиация же ведь не идет. И кактусу кушать нечего.

– Бедняжка! – пробормотала я. – А еще и я тебя обкурила! – И включила компьютер. Оказалось, он не был совсем отключен. Висел в спящем режиме. Алексей, видимо, качал какой-то фильм. И страничка www.newsru.com не была закрыта. Я прочитала:

Россия в опасности. России грозит исчезновение.

После распада СССР Запад под знаменем демократии пытался захватить Россию и был близок к цели.

– Господи, какой бред! – усмехнулась я. Все знакомые мне мужчины, включая Алексея, мечтали спасти Россию. В основном для этого нужно было либо развязать кровавую войну, либо стереть с лица земли Америку. Почему-то в этом вопросе – об Америке – они все были едины.

Я долго смотрела на страницу, пытаюсь понять, о чем думал Алексей, читая всю эту белиберду. Потом я зашла на Yandex, посмотрела погоду. Даже на погоду в Таиланде гля-

нула, представила себе, что это я лежу на морском берегу в купальнике и смотрю на небо сквозь темные очки. Потом почитала немного новости. Чего не сделаешь от скуки и нервов?! А потом вздохнула и ввела в адресную строку:

Мне было интересно, написал мне или нет мой М@стер_д_д. В конце концов, что же это, я что, вообще никому не нужна? Мужа нет, любовник после первой же ночи страсти не подает признаков жизни.

Аккаунт молчал. Да уж, получалось, что я не была самой лучшей женщиной в его жизни. А чего ждать от женщины, чей муж не поинтересовался, где она ночевала, и сам неизвестно куда исчез.

М@стер_д_д

Состояние: отсутствует в Сети

Может, он прямо сейчас встречается с кем-то еще? С Nuppybitch или с snegurochka? Аккаунтов полно. Никаких сообщений. Я прошлась курсором по страничке.

Написать сообщение?

– Ну уж нет, – фыркнула я. Сдался мне этот М@стер_д_д! Он не интересуется мной. Я, кстати, тоже им не интересуюсь. Я интересуюсь, где лазит мой собственный супруг. Может, он мне в почту написал? Может, у него телефон разрядился и он бросил мне что-нибудь в ящик. Чтобы я, так сказать, не волновалась.

Вот тут я и перешла на почту. Просто подгрузила стра-

ничку из памяти и зашла во «Входящие». Но писем не было. Лешка действительно на меня забил. Странно. Еще смутно странным показалось, что на самом деле писем в ящике не было вообще. Даже прочитанных. Ни одного. Я еще удивилась. Как это? Стерли мне, что ли, весь архив? Там болталось писем двести, куда они исчезли? Вирус, что ли?

— Никому я не нужна, — сказала я компьютеру, который только холодно мерцал, подмигивал рекламой. Тогда я нажала на кнопку «написать письмо». Ввела адрес: Matyushkin@mail.ru и написала мужу какую-то белиберду: *...что за скотство, ты где? Абонееент? Поболтаем?..*

Посидела, подождала, пощурилась на экран. Он не ответил, естественно. Я ушла, сделала себе чай. Постояла, попилилась в окно на пару алкоголиков, употребляющих у подъезда горячительный напиток. Из горла бутылки. Мужички были потрепанные, в телогрейках. Рабочие или, может, дворники. Шапки-ушанки, красные носы. Они выпивали, приплясывая от холода, и о чем-то оживленно беседовали. Им не было скучно и одиноко. Им, может, завтра обратно на завод. У них, может, получка. Они, наверное, планируют приползти домой на четвереньках, а холод мешает выполнению программы.

Я бы должна была проникнуться отвращением, а мне почему-то захотелось выпить. Вот так и начинают спиваться. Меня мама как раз предупреждала. Она почему-то предупреждала меня обо всем, искренне полагая, что я, как мо-

рально нестойкая и политически нестабильная, обязательно рискую либо спиться, либо скуриться, либо с работы вылететь.

Я вернулась в комнату и с удивлением обнаружила на голубом экране письмо от мужа. Четыре слова, которые вызвали во мне справедливое негодование.

...задолбали. Идите к чертям...

Я обозлилась. Мы что же, будем теперь ругаться даже по Интернету? Что-то с нами случилось, люди! Вызовите мастера, почините нас. Это не мой Алексей. Это какая-то другая версия. Срочно нужен специалист. Как сделать мужу downgrade?⁴ Хочу того, за кого я выходила замуж, а не этого!

Я шмыгнула носом.

...Зачем ты так? Прямо обидно!..

...Откуда вы берете адреса? Достали!..

Происходящее откровенно поставило меня в тупик. Откуда я беру адреса? Из головы беру. Может, я что-то перепутала и это не мой муж? Было бы здорово. Я открыла сообщения и перепроверила.

matyushkin@mail.ru

Все верно. Адрес его. Вот только... я вдруг опустила глаза

⁴ Переход на более старую, предыдущую версию программного обеспечения.

на строчку вниз и поняла, в чем дело. Адрес отправителя:

SistemError@bk.ru

Я написала мужу не с того аккаунта! Этот почтовый ящик я регистрировала специально для вероломных дел! Только чтобы изменить мужу и сразу все стереть. Вот дурища, зашла автоматически, ведь я из дома регистрировалась в этой чертовой loveplanet, вот теперь меня и забросило не в тот ящик. Все-таки права Яна. Балда я, к тому же неуклюжая и безмозглая. Глаз за мной и глаз. Теперь вот... сдала себя с потрохами. Умница, Машечка! Останешься без мужа.

– А разве я уже не осталась без него?! – зло спросила я себя. – Разве прямо сейчас я не одна?

– Он меня больше не любит! – сказала я себе и сразу стала несчастнее и злее раз в сто. Он меня не любит.

Не любит? От мысли, что мы с ним, возможно, больше не будем вместе, я заплакала. В последнее время я постоянно плакала и еще мне постоянно снились кошмары. Алексей меня не любит. Я люблю его, а он меня – нет.

...иди ты сам в жопу. Я тебе не спам, между прочим...

Я послала сообщение. Когда на экране появилась надпись «сообщение отправлено», я нахмурилась. Что я творю? Я встала из-за компьютерного стола, подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Усталая, осунувшаяся женщина, потрепанная, с размазанной тушью под глазами. Кстати, хоть бы

одежду поменяла. Я будто срослась с пятнами на своей одежде.

– Красотка! – хмыкнула она, потом достала помаду и раскрасила бесцветные искусанные губы в привычный бордовый. Яркие губы на фоне бледного лица смотрелись вульгарно. – Я сейчас пойду и все ему расскажу.

– Давай-давай! – ухмыльнулась я.

Тут вдруг от Алексея пришел ответ.

– *Да? И кто ты? Хочешь сказать, что не хочешь предложить мне платного секса?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.